

Йоханес Хайнрихс

**Демократический манифест
для молчащего большинства**

**«Революция демократии»
в кратком изложении**

**Издательство
«Гражданское образование»
Обнинск, 2010**

Содержание

Предисловие	3
I. Введение: от громкого слова к желаемому слову	5
II. Историческая ориентация: демократия вчера	13
III. Основной системный подход: от действующего человека к социальной системе	18
IV. Прыжок в большой организм: дифференциация подсистем	24
V. Основное практическое требование: четыре «камеры сердца» демократии	28
VI. Множество следствий: непарламентские «власти»	59
VII. Дополнительное архитектурное измерение: триединство «государство – частное – общественное»	64
VIII. Социально-этическая точка зрения: социальные принципы и их эволюция	69
IX. Синтезы для будущего: демократия завтра	74
X. Стратегии и ограничения: просвещение как революционная практика	77
XI. Перспективы: европейская и глобальная архитектура демократии	90
Литература	94

Предисловие

Йоханес Хайнрихс представляет в этой книге «реальную утопию» - «революцию демократии». Его учение о демократии является как основополагающим, так и ниспровергающим и необходимым. Основополагающим, потому что оно построено на элементарной антропологии, а именно на её теории социальной рефлексии. Ниспровергающим, потому что оспаривает идеологию партийного государства. Необходимым, поскольку свобода человечества есть идеал просвещения и цель всей политики.

Труд Хайнрихса учит революции в прямом смысле, а именно как освобождению для права и человечества.

Йоханеса Хайнрихса волнует то, что партийное государство не может быть ответом на главный вопрос просвещения и человечества о возможности хорошей жизни для всех. Его проект отличается претенциозностью, но дает демократии первый действительный шанс.

Хайнрихс вводит четыре парламента с собственными задачами, собственной ответственностью и собственным составом: парламент основных ценностей, парламент культуры, парламент политики и парламент экономики. Все законы этих парламентов обязательны. Это требует разграничения компетенций и приоритетного регулирования.

Одновременно с четырехступенчатым разделением систем легитимации, культуры, политики и экономики Хайнрихс вводит и другое архитектурное представление, а именно триединство «государство – частное – общественное», которое сегодня уже осуществляется, но не поддерживается соответствующим правовым порядком. Как и четырехступенчатая разделенность парламентаризма, оно впервые системно обосновывает структурный элемент разделения властей.

Хайнрихс хочет также усилить прямую демократию по отношению к представительной. Он хочет преодолеть классовое, партийное и конфессиональное государство.

Йоханес Хайнрихс является лучшим знатоком современной социальной философии. Он чувствует себя ответственным за нашу республику и представляет на рассмотрение хорошо обоснованный проект жизни людей во всех государствах этого мира.

Труд Хайнрихса представляет собой большой вклад в политическую философию и учение о демократии. Я помогу его революции одержать победу.

Из предисловия к книге «Революция демократии» от 2003 г.

Карл Альбрехт Шахтшнайдер

Ординарный профессор общественного права университета Эрланген –
Нюрнберг

Глава I

Введение: от громкого слова к желаемому слову

Призрак бродит по Европе, призрак недовольства демократией. До сих пор это выступало завуалировано в виде «недовольства политикой» и «недовольства государством». Эти завуалированности, которые так названы в целом, поскольку речь идет об определенном виде политики и государстве, скорее не названы и неназванными остаются.

Значительно ближе к существу «недовольство партиями». Только партийцами, охотно выступающими против «недовольства политикой» и «недовольства государством», эти слова не произносятся. Они слишком близко приближают к горькой правде.

Слово «демократия» было одним из самых громких слов 20-го столетия. Оглядываясь назад, его вообще можно считать самым главным и центральным словом прошлого столетия, как и «прогресс» для 19-го и «просвещение» для 18-го столетия. Против этого говорит только одно, а именно то, что это громкое слово остается до сих пор неисполненным обещанием, и что даже в демократических странах мы живем, пожалуй, в половинчатой демократии. Точнее, правда, мы должны говорить о четвертичной демократии. К сожалению, в точности общее несовершенство артикулировать невозможно.

Спросите себя, уважаемый читатель, чистосердечно: «Верите» Вы в нашу современную демократию? В том смысле, что состояние общества в Германии и у её западных соседей очень близко подошло к идее демократии?

Кратко определим эту идею как **идею самоуправления народа** при его по возможности всестороннем участии. Очевидно, что можно двояко рассматривать эту идею и считать наше современное состояние демократическим полностью или, по меньшей мере, удовлетворительным.

Этот манифест, как и полная книга о демократии (2003 год), предназначен только для людей, серьезно относящихся к идее демократии. При этом она не рассчитана на экстремистов левого или правого цвета. Хотя я не хотел бы видеть их едущими на подножках, а желал бы им изменить свои экстремистские действия. Я считаю, что каждый более или менее интеллигентный человек в любое время может

изменить свое поведение и образ мысли. От этого шанса никто не может быть отстранен.

Во всяком случае, не существует официальных опросов по поставленному вопросу, точнее по обоим вопросам:

- Верите ли Вы, что у нас настоящая, удовлетворяющая нас демократия?
- Верите ли Вы в идею демократии?

Несомненно, результат был бы разочаровывающим, даже отрицательным. Вы можете установить это теперь легче, чем когда-либо, личными опросами в кругу знакомых при общении особенно в так называемом «политическом классе». Именно так происходит всегда, когда он представляет население. Поэтому недостаточно, если тот или иной представитель этого класса своевременно и с твердостью сумеет продемонстрировать протест к Hartz IV. Представителей этого класса никогда ещё не видели с плакатами типа *«Революция демократии вместо лечения симптомов»*. А в этом содержится общее тонкое отличие.

Но, конечно, и вне политического класса есть люди, которые боятся дать ответ на первый вопрос, поскольку хотят быть «реалистичными». С этими влиятельными и очень уважаемыми реалистами среди своих читателей я хотел бы вкратце обсудить следующие любимые предубеждения или половинчатую правду.

1. Демократия - довольно плохая форма государства, но лучшая ещё не предложена (высказывание Черчилля).

На это я отвечаю: в действительности лучшей формы государства, чем демократия в смысле нашего предварительного определения, т.е. обеспечивающей в тенденции идентичность управляющих и управляемых, нет. Имеются только отдельные «маленькие недостатки»: она сегодня ни достаточно продумана, ни осуществлена. Более того, имеется слишком много влюбленности в несовершенство, чаще всего в виде замаскированной мудростью и реализмом инертности или оппортунизма владеющих благами.

2. Политическая наука показывает, что люди всё-таки в общем и целом довольны демократией.

Но политическая наука в преобладающем большинстве ее представителей не имеет мужества, чтобы признать, как крайне недовольны люди реально существующей демократией. И это не является приемом непризнания обоснованности этого недовольства. Политическая наука также делается людьми, которые, как правило, стоят совсем недалеко от политического класса и которые даже - в большинстве своем имеющие статус или квалификацию профессора - хотят к нему относиться. И только потому, чтобы не быть далеко чуждым ему. Единственное смягчающее обстоятельство для этого конформизма науки - отсутствие альтернативных проектов, кроме мало убедительного движения за прямую демократию. (Тема науки и ее свободы как одна из труднейших в теории демократии вообще не рассматривается).

3. Мы можем ведь изменять только немного, меньше всего нашу конституцию.

Кто так говорит, тот уже прекратил борьбу за демократию. Пока мы ещё можем изменить столько, сколько осознаем. Но это не всегда будет продолжаться. Немецкий Основной закон пока еще настоятельно приглашает к новой конституции (статья 146), и, если европейский Конвент опять не использует большой демократический шанс и согласие народов на новую европейскую конституцию, это будет восприниматься населением, особенно в Германии, как крайне разрушительное вмешательство. Как повод для мучительных принципиальных дискуссий, для которых у нас даже нет соответствующих институтов.

4. Может быть она ещё не так совершенна, но альтернативы этой, малыми шагами «учащейся демократии», нет.

То, что мы в лучшем случае имеем половинчатую демократию, является мало очевидным, но вполне гарантированным народным знанием. Политический класс и те, кто извлекают выгоду от существующего положения, хотят об этом умолчать и не обсуждать альтернативные конструктивные предложения. Якобы «альтернатив нет». Тот, кто указывает на это в отдельных областях, считается сведущим в политическом деле теоретиком или даже «популистом», при этом предполагается сомнительный союз с широким населением. «Народ, как

большой болван» (Генрих Гейне), считается воспитываемым и в любом случае не зрелым.

Что касается маленьких шагов, то под влиянием и по образцу американской террористической истерии мы делаем их теперь скорее назад. При этом неизбежно необходимы не только малые шаги по структурному улучшению демократии, а именно в отношении скепсиса партийности, а огромнейшие шаги и даже прыжки. Прыжковые изменения как в направлении серьезно воспринимаемой демократии, так и социальной справедливости были бы, кроме того, намного лучше для борьбы с корнями начинающегося терроризма.

5. Каждый может начать только с себя.

Действительно, каждый может начать с себя, но с практической направленностью мыслей к общественности. Благодаря этому каждый отдельный человек из личной беспомощности переходит в общественную действенность. Структурное видение и разъяснение взаимосвязей являются первыми обязанностями демократов. В противоположность этому апеллирование к морали каждого, как будто у него от этого действительно что-то дополнится в дефицитах структур, представляет собой фатально отклоняемую идеологию. Моральные намерения и призывы, которые народная мудрость уже давно знает, являются материалом, из которого проложен путь в «преисподнюю». Сомнительный бум этики, как я уже говорил 10 лет назад, совершает прекрасный труд по укладке мостовой. Для такой теории демократии от самого низа нужно иметь не только участников сверху, но и их «альтернативных» участников.

Отклонение удается потому, что в действительности никто не может ничего сказать против того, что люди должны стать лучше. Но это, однако, зависит от того, что из морального репертуара отдельных людей, а каждый – «ансамбль общественных отношений» (Маркс), востребуется благодаря именно этим отношениям, того, чем охотно пренебрегают проповедники морали. **Конформизм, беспринципное соучастие, оппортунизм, которые были решающими в нацистское время, - все это исчезло в ничто?** По моим представлениям, они сегодня носят только более изящные современные маски. Но именно в этой человеческой склонности к соучастию лежит моральная ответственность за создание таких отношений, которые вызывают лучшее и наилучшее у людей. С призывами это никогда ещё не достигалось надолго. Человек от

природы ни плохой, ни хороший, но он испытывается общественной природой.

Полуправда, что «каждый может начать только с себя», недооценивает сущность общества и общественность человека, поскольку она понимается как призыв к просвещению только в смысле собственного мышления и небеспринципного соучастия в слишком терпимых общественных учреждениях.

6. Социальная действительность может строиться только спонтанно снизу.

Силы спонтанного общественного образования снизу не могут процветать без осмысления целого, без относящихся к обществу рамочных условий. Веймарская республика дает образцовый пример крушения бесчисленных ценных и полных надежд реформ снизу (так называемой реформы жизни после окончания молодежного движения). Все эти, а также возвратившиеся с «зелеными» движениями, хорошие инициативы оказались тогда, к сожалению, пустыми общественными играми на тонущем Титанике, поскольку общее состояние политической погоды не было принято достаточно серьезно, поскольку в Германии демократию не освоили серьезно.

Конечно, это должно было произойти способом специфически немецким, развивающим далее дело классической немецкой философии (включая Маркса). Эту мысль подтвердил Генрих Гейне до и после потерпевшей неудачу буржуазной революции 1848 г. всемирно исторического значения. Но немецкие начальства игнорировали это и строили свой рейх на силе и индустриальной революции: на немецком противостоянии силы и духа. Вследствие этого большая часть немецкой интеллигенции в политике отказалась от предложения западной демократии. «Немецкий дух не политичен и таковым останется всегда» (Томас Манн, 1918 г., *Размышления о неполитическом*). Тем более «должна» быть низвергнута воодушевившая граждан мерзкая пролетарская революция 1918/1919 г.г. Такими были, по меньшей мере, два крайне спонтанных движения снизу, у которых нечто отсутствовало, чтобы быть успешными против имеющих власть и силу.

Не призваны ли мы сегодня, спустя 60 лет после окончания войны, внести в Германии свой собственный активный вклад в дальнейшее развитие нашей второй импортированной демократии вместо того, чтобы только пассивно и праздно удивляться постепенно происходящему

угрожающему упадку демократии в прежде великом образце по ту сторону Атлантики?

Правомочность требований спонтанного низа описывается позже с принципом субсидиарности (глава VIII). Однако нельзя путать преимущественное право нижних малых социальных единиц с преимуществом их значения. Каждое преимущество должно сознательно защищаться, но осмысливаться с позиции целого.

7. Размышления уже не помогут, поскольку все давно обговорено.

Тем не менее, ориентированное на практику мышление изменяет отношения и распространяется на целое, на цельное действие. Поэтому в обоих предшествующих пунктах речь шла уже о размышлениях и новом понимании всеобъемлющих структур. При наличии предубеждения, что мышление не помогает и ничего не изменяет, можно дополнительно сомневаться в том, что задумано квалифицированное осмысление социальных структур - охватывающая действительность социальная теория.

Свободно парящие интеллектуальные рассуждения о том и сём без выводов представляют собой половинчатое мышление. Наша теперешняя политическая философия и наука фактически разрушили свойственное классической немецкой философии доверие к изменяющим мир силам.

«Критическая теория» движения 68-го года с одной стороны доказала, как сильно фундаментальное философское мышление способно вмешиваться в политику. Но это вмешательство было почти только негативно критическим. Много «пыли под мантиями» было встряхнуто. Но она вскоре вновь осаждалась. Что тогда уже было необходимо, так это конструктивная критика. Тем более, после ошибочного заявления удавшегося, между тем, „долгого марша институтов“. И пока имеется только одна достоверная критика: альтернативные конструктивные предложения, как нужно «устойчиво» удалять пыль. Именно поэтому таких предложений боятся и охотно называют их «утопическими», «догматическими» и т.д., не в последнюю очередь те ученые чиновники, отказ которых вследствие этого становится слишком очевиден.

8. Рассматривая в мировом масштабе, мы будем рады, если однажды все страны примут нашу заботу о демократии.

Рассматривая в мировом масштабе, мы нашей половинчатой демократией, если мы пока признаем это лестное выражение, несем большую ответственность за то, чтобы сделать демократию привлекательной для развивающихся стран. Не в последнюю очередь это относится к арабским странам. Пока мы, например, не проясняем легитимное место верующих людей в нашей, кажущейся просвещенной демократии, пока предлагаем неясную конфессиональную государственность в немецко-говорящих странах (или другим способом в США), пока тотально экономически доминирующее сообщество предлагает сахарную глазурь в качестве альтернативы, наши демократии не являются ни настоящими, ни привлекательными.

Идущий к мировому господству Китай будет остерегаться принимать этот вид «капиталистической демократии» как приложения к западному капитализму. Пока мы на Западе можем предлагать только убедительные технологии, но не убедительные социальные и демократические проекты, эта решающая в будущем власть по праву будет испытывать страх. Тем более что провозглашаемые права человека неделимы: нельзя отделить, например, право на свободное выражение мнений от эффективной свободы прессы (также от управления рынком) или от права человека на труд, то есть права на такие экономические отношения, которые могут равноправно интегрировать трудоспособных и желающих работать людей в общественный процесс.

9. Сегодня первым в повестке дня стоит экологический вопрос.

Срочная тревога за экологию с тридцатых годов ведет к повышению цивилизационного стресса, но проблема далее не решается, поскольку не организованы соответствующие политически действующие структуры. Есть ли в понимании экологии адекватный шанс в нашем Бундестаге? Кажущиеся проблемы природы по существу являются огромной проблемой общества и демократии. Нам нужны институты, имея в виду парламенты, в которых по экологическим вопросам на основе законов можно спорить компетентно, прозрачно и эффективно. Даже от максимально участвующих в работе по экологии депутатов я слышу:

«Дело в том, что рынок сегодня невосвратимо глобальный, в то время как действующие законы, которые управляют рынком, и относящийся к нему парламентаризм остаются национальными. Говоря утрированно, правительства мира ставят перед собой основные задачи больше не от своего народа, а от рейтинговых агентств, пенсионных фондов, аналитиков и слушающих их экономических журналистов. Они делают это в *метком* предположении, что стране и народу *еще*

хуже не будет, если пренебрегать местоположением инвесторов. И они могут одобрить свое дело (см. «Повестка дня 2010») своими формально демократическими партиями». (Из письма депутата Бундестага, профессора Эрнста Ульриха Вайцзеккера автору 9.2.2004 г.).

Здесь к экологическо-экономической проблематике присоединяется ещё проблематика национальной самостоятельности и глобализации. Если всё так, как здесь сказано, то национальным демократиям конец. Можно ли на этих обломках построить международную глобальную демократию?

10. Неотложнейшими являются актуальные проблемы экономической политики, социального государства, социальной политики: безработицы, налогов, ренты, здравоохранения и т.д.

Именно с этими специальными проблемами социального государства связывается проблематика демократии теперь особенно остро. Партийная система системно неспособна к специализированной политике. Даже лучшие официальные подходы к решениям попадают в мельницы партийных стратегий по образцу: какие преимущества или издержки получит правящая партия, если оппозиция одобрит её политику? Сегодня красно-зеленая коалиция, очевидно, таскает из огня каштаны «необходимого» социального строительства. Однако если оппозиция слишком горячо соглашается, она не будет избрана в правительство теми, кто сейчас протестует. Но нужны ли ей вообще такие социальные участники для смены правительства?

Видно, что в нашей демократии это снова становится интересным, если не совершенно критичным. Но воспринимаем ли мы при развитии этого кризиса глубоко лежащую проблему демократии сами, как разумные существа, адекватно? Или мы будем использовать насмешки и угрозы экстремистов слева и справа только для того, чтобы неуверенно идти по старому пути якобы «золотой», а фактически ложной середины еще какое-то время дальше? Между тем, «демократия» из громкого обнадеживающего слова все больше превращается в самое сомнительно привлекательное слово. Как долго может так продолжаться? Где, собственно, предложения для решений от Берлинского Научного центра социальных исследований или от других миллионно весомых цитаделей социальных наук?

Историческая ориентация: демократия вчера

Демократия еще не готова

Современная демократия в истории человечества слишком молода, чтобы сегодня ее можно было считать завершенной. Едва ли не два столетия и до сегодняшнего дня она осмысливается в трудном процессе поиска! Понимание этого вносит значительные коррективы в распространяемый триумф демократии.

Демократия повсюду остается еще незавершенным поисковым процессом. Непризнание этого обусловлено заблуждением в пассивном или активном смысле слова.

Например. Всеобщее избирательное право под влиянием женщин было впервые введено в Англии на федеральном уровне в 1930 г., а в Швейцарии только в 1971 г.! И если говорить о понимании критерия «всеобщее избирательное право», то становится ясно, что прогибающиеся под всей призывающей, прославляющей, поучающей и детализирующей литературой по демократии книжные полки вводят в заблуждение в том, в каком нежном юношеском возрасте сегодня еще находятся демократическая теория и практика. Перелом настроений в Германии, особенно после 1945 г., как и, к сожалению, ненадолго после 1989 г., кажется невероятным тем, кто вздохнул после низвержения диктатур.

Также и демократия в Америке не является совершенно бесспорным и незапятнанным делом, как она изображается в представлении победителей, если мы рассмотрим недавние, вызывающую тревогу события с 11 сентября 2001 г. Выборная борьба лагерей, которая там разыгрывается, является для европейца чем-то непонятным и трудно воспринимаемым. Это сомнение сверх норм усилилось после некорректного подсчета голосов во Флориде, благодаря чему Джорджу Бушу удалось заступить в должность, и после всемирно известной оценки войны в Ираке.

Однако теоретические несовершенства и практические ошибки не являются результатом падения однажды великолепно учрежденного. Они являются следствием ставших с течением времени сильнее

видимыми границ возможного, **недодуманного и неиспытанного в прежнем.**

Сравните: является ли позором для пионеров автомобилестроения через сто лет то, что теперь никто не хочет больше ездить на их моделях? Конечно, законы технического прогресса нельзя просто переносить на общественное развитие. Тем не менее, это сравнение может заставить нас подумать. Что не развивается или развивается только скачками, становится непригодным для новых требований времени.

Тем более, как уже упоминалось, настало время, чтобы из статей послевоенного импорта держав-победителей мы создали в Германии нечто самостоятельно обдуманное и жизненное. Это стало бы, в сущности, восстановлением суверенитета.

Демократия в древности

Если «западная» демократия с одной стороны должна рассматриваться как естественно данная, несколько недостаточно отвечающая на вопросы и обдуманно обоснованная, то с другой стороны существует другой главный недостаток - обычная историография демократии. Он состоит в том, что демократия нового времени представляется как поздний продукт развития человечества с якобы единственным началом в греческом полисе, к которому возвращаются философы.

Но демократия может также рассматриваться как **старейшая форма правления**. Во многих ранних культурах на локальном уровне могли практиковаться формы прямой демократии. К сожалению, до сих пор литература об этом скудна. Кажется, что эти факты действительно не вписываются в однолинейное евроцентристское мышление о прогрессе. А что не подходит к духу времени, оказывается, как известно, менее исследовано, к тому же требовательнее, чем самовосхваляющая история. Антропологическая основа этого исторически непривычного тезиса об изначальной демократии, скажем осторожнее - прото-демократии, состоит в том, что человек с самого начала жил в солидарном сообществе с ему подобными в сообществах, которые сами себе создавали правила. Иначе, как солидарно друг с другом, ранние люди и человеческие группы не смогли бы выжить. Старейшей формой самоуправления может быть только прото-демократия, если она является формой совместной жизни, общественной организации, отвечающей природе человека. Это обосновывается в главе III с позиций философской антропологии.

Понятия «демократия» и «правовое государство»

Демократия здесь уже обозначалась как самоуправление народа. В американской Декларации независимости от 1776 г. об отделении колоний от Англии и связанной с ней «Декларации прав человека и гражданина» современная демократия как ребенок вырвалась наружу, естественно, не без мыслительного зачатия в европейском Просвещении. Последовавшим вскоре боевым крещением ребенка для Европы стала тогда Французская революция 1789 г.

Почти сто лет спустя стала известна определяющая, так называемая Геттисбергская формула демократии Авраама Линкольна из американской гражданской войны 1863 г.: **«government of the people, by the people, for the people»**.

(За двадцать лет до этого появилась хорошо сегодня известная книга француза Алексиса де Токвиля «Демократия в Америке». Однако восхищение Токвиля испытанным в Америке принципом демократии нельзя путать с одобрением всех фактических отношений! По крайней мере, Юг Соединенных Штатов был тогда еще рабовладельческим обществом, что и было главным поводом гражданской войны.)

Все три использованные Линкольном предлога с различной силой указывают на основные признаки демократии:

- что при демократии власть исходит **от** народа (of);
- что она исполняется **через** народ (by);
- и что эта «власть», лучше «правлящая власть», **для** народа, т.е. исполняется в его интересах (for).

Все это имплицитно содержит простая формулировка «самоуправление народа». Понятие и слово «власть», которое было лучшим переводом греческого *kratein* в господские времена, мы можем уверенно заимствовать и переводить как «правление». Осуществление власти мыслится общим, без разделения на господ и слуг.

Самоуправление народа в какой-то мере тождественно «самовластвованию». Некоторые ученые, однако, считают самоуправление, идентичность управляемых и управляющих невозможными и даже возражают. Мы же, наоборот, именно эти рефлексивные самоотношения рассматриваем как важные взаимодействия субъективности и социальности.

Что из формулы Линкольна остается ещё неясным, это отношения демократии и правового государства. Последнее имеет «власть» законов, права, а именно по возможности справедливого права. Конституционные монархии, которые около 1900 г. существовали почти во всех европейских государствах, были уже правовыми государствами, но без демократического самоуправления народов. Даже если некоторые государства уже тогда украшались названием «республика» или «демократическая республика».

Чисто логически «**власть права**» и «**власть народа**» отделимы друг от друга. Все же власть права без власти народа означает власть меньшинства (олигархии, например, также партий олигархии). И наоборот, власть народа без выраженных правовых структур ведет к произволу неимущих, к тому, что Платон и Аристотель понимали под демократией. По этой же причине Кант предпочитал наименование «**республика**», а не «**демократия**». Можно сказать, что «республика» больше подчеркивает власть «общественного» права в общине, а «демократия», напротив, - власть народа.

Зародившаяся в Англии «власть права» представляет в европейской истории **либеральное** направление. Оно ориентировано на *balance of powers* и сдерживание начальственного произвола власти, на право индивидуума по отношению к власти. Оно образует самое действенное направление для развития западных демократий. При этом особую роль играет представительство каждого в парламентах путем посылки его представителей.

Но означает ли это, что другое направление, а именно «власти народа» с **прямой демократией**, прошедшее от ранних исторических прямых демократий, через Руссо, Маркса и существующие остатки прямой демократии (в Швейцарии, как и многих малых общинах и обществах) до современного движения «Больше демократии», в демократическом правовом государстве сегодняшнего либерального типа может уйти и стать лишним?

Вопросы/ задачи

Есть ли внутренний, а не простой поверхностный синтез прямой и либеральной представительной демократии? Наше рассуждение своими целями ставит, по меньшей мере, три дела:

- внутренний синтез представительной и прямой демократии;

- решение кажущейся почти неразрешенной партийной проблемы;
- решение по преодолению избыточного, кажущегося неизбежным губельного веса экономики в существующих демократиях, за счет пока только перевозносимых в праздничных речах «высших ценностей».

Призрак недовольства демократией можно изгнать, если мы найдем на эти вопросы убедительные ответы. Если мы также признаем, что, несмотря на противоположный вид, «наши западные демократии» и наш многократно фразерски прославляемый «свободно-демократический порядок» еще никоим образом не выросли из стадии подростка. Ни в практике, ни в легковерно воспринимающих людях «с улицы», ни в теории.

- Что называется принципом большинства? Состоит ли суть демократии в избивании дубинкой большинством меньшинства, доверительно отдавшего свою минимальную власть небольшому числу людей?
- Какую роль играет доверие при репрезентации и чем это обосновано? В чем состоит суверенитет народа? В том, чтоб его передавать?
- Как, собственно, взаимодействуют группы интересов со своими знаменитыми лоббистами из партий и какое законное место они имеют в «плюралистической» демократии?
- Как обстоят дела с другим плюрализмом мировоззрений и религий и общими ценностями? Есть ли все же «общество демократических ценностей»?
- Какие шансы в действительности имеют ценности, о разрушении которых всегда сожалеют, имея в виду известную народную мудрость, что деньги правят миром? Совместимы ли, в сущности, друг с другом капитализм и демократия?

Количество вопросов можно легко увеличить. К счастью, на многие можно размышляя ответить, если правильно ответить на некоторые основополагающие. Но для этого нужно основательно социально-философски взяться за дело, прямо сейчас.

Основной системный подход: от действующего человека к социальной системе

Человек: бесконечность химер на собственных соборах?

По общему убеждению, особенно после времени Просвещения, общество во всех его формациях создавалось самими людьми. До сих пор существует только единственная системная теория общества, объясняющая, что общество образуется из «коммуникаций», - это теория Никласа Лумана. Однако остается блестящим антипросвещенческим ухищрением, откуда появились эти коммуникации.

Очевидно, они являются формами человеческих действий. Характерным для Просвещения в отношении осмысленных или неосмысленных продуктов человека всегда было прослеживание их происхождения в его собственных (умственных) действиях.

С Лумана начинается «социологическое просвещение» (такое название имеют некоторые сборники его статей), которое работает противоположно - с отчуждением этих продуктов от их происхождения. Рафинированная интеллектуальная роль в обратном направлении!

До сих пор не было единой теории, которая бы действительно убедительно разъясняла происхождение социальных систем исходя из человеческих действий, то есть объясняла бы переход от действий к системам. Начиная примерно ещё с 1970 г. два больших социолога-теоретика того времени Никлас Луман и Юрген Хабермас спорили по вопросу: связаны ли и как человеческие действия с социальной системой. Спор был тихо улажен, вступила в действие лумановская теория о «системах» (с образованием смыслов по различию внутреннего и внешнего как в биологических организмах), больше не нужно было говорить о человеческом действии; с другой стороны Хабермас хотя и признавал фактами «злые» системы, как денежную систему и правовую систему, но помещал действующего, познающего и наблюдающего человека в его скорее уютный «мир жизни». Связи между миром жизни и системами ближе не обнаруживались.

Обе позиции в равной мере неудовлетворительны. Они требовали от автора со старой просвещенческой позиции выявить *недостающее звено* между действием и системой. И как представляет его с 1975 года «Рефлексивная системная теория социального/ Reflexions-Systemtheorie

des Sozialen», оно состоит в принципе межличностной или социальной и, тем самым, не только теоретической, но и **практической рефлексии**.

Благодаря этому принципу удается установить связь между действующими людьми и созданными ими системами - «соборами». Человек не остается как у Лумана «бесконечностью химер на сером камне Нотр-Дама», как вскоре после Второй мировой войны Готфрид Бенн выразил основное чувство человека относительно отчужденной от него, но им созданной государственной и экономической «мегамашины». (В стихотворении «Потерянное Я/ *Verlorenes Ich*» «химерами» называются замечательные демонические сказочные существа, которые в виде стоков воды или прочих странных нарядов украшают готические кафедральные соборы). Если человек не знает, как в принципе возникают эти отчужденные образования, то он также не может и их снова присвоить. Уход в непонятный уютный «мир жизни» этому также не помогает.

«Через многие формы прошли благодаря Я, благодаря Мы, благодаря Ты» - элементы смысла

Этим заголовком еще раз цитируется Готфрид Бенн (в этот раз стихотворение «Только две вещи/ *Nur zwei Dinge*»), поскольку он называет здесь большие «вещи», являющиеся не вещами, а сущностью рефлексии.

«Я» является сущностью рефлексии, так как выражение «Я» фундаментально выражает отношение человека к самому себе – его рефлексивную способность. Рефлексия и самоотношение – одно и то же. Самоотношение человека проявляется в его способности говорить «Я». Эта способность присутствует, конечно, и до того, когда он говорит «Я» или не «Я». Как превосходно сказал Кант: «*Я думаю* так, как это могут выражать мои представления» («Критика чистого разума»). Способность (хотя бы частичная, то есть неполная) к самопознанию через рефлексивную способность отличает рефлексивную сущность человека от животного (сознание которого характеризуется «неполной рефлексией», что делает это так интересным для открывающих «самих себя» детей и всех людей). В отличие от дополнительной обдуманной, теоретической рефлексии мы можем говорить о **прожитой рефлексии** или рефлексивной жизни.

Рефлексия человека становится действительно **практической**, когда она направлена на «Ты», которое само является содержащей «Я» рефлексивной сущностью. Быть практичным – означает изменять. Когда

«Я» обращается к «Ты», «Я» практично. «Я» изменяет «Ты», если «Ты» принимает это к сведению. И наоборот. Прежде чем мы проследим далее практическую социальную рефлексию и ее ступени, а они представляются системообразующим принципом, темой должна стать третья рефлексивная сущность - «Мы».

«Мы» имеется не только у группы, но уже у парных отношений – общности, совместно построенного смыслового пространства, прежде всего из разговоров (но не только) друг с другом. В основе построенного таким образом «между» (как «Мы» воспринимает Мартин Бубер) лежит предполагаемая среда общности. Язык в этой среде стоит между людьми. Но язык лежит в основе вышеупомянутого смыслового пространства. Иначе говорящие не могли бы понимать различные языки, а общались бы с помощью «рук и ног». Это смысловое пространство я называю не только «априори коммуникативным объединением», как франкфуртский философ Карл-Отто Апель. Оно является не только субъективной мыслью „a priori“ (предшествующей всем последующим наполнениям), но и фактической смысловой общностью.

Я определяю его как **смысл-медиум**, включающий все конкретные коммуникации, прежде всего обычные надкультурные мысли обо всем, на что способен каждый человек; культурные языковые конкретизации; социальные общности как ценности и нормы; или только конкретное «между» отдельной встречи.

Понятие «**смысл**» понимается здесь в совершенно нейтральном значении как содержание, например, содержание слов, которые осуществляются в сознательных действиях. Смыслом здесь называется единство содержания и сознательной активности. (И напротив, когда «диалектическое» единство исполнения и содержания не выдерживается, появляется опасность отчуждения и обесмысливания).

Теперь уже очевидно, что все наполнения или конкретизации смысла-медиума (прежде всего как бесконечного и бесконечно открытого содержания) происходят из взаимной рефлексии обеих рефлексивных сущностей «Я» и «Ты», разумеется, при вовлечении культурного «материала», исторически совместно принятого участниками коммуникации.

Если теперь мы возьмем ещё мир несаморефлексивных вещей – « Это», то все эти элементы, как смысловые элементы каждой встречи, мы можем соединить в следующую схему:

Смысл-медиум

(Мы):

- надкультурное («все»)
- культурное (языки)
- социальные нормы
- актуальное «между» встречи

Я

Ты

Физическое

(Это)

Рис.1. Четыре смысловых элемента действия

Человек – живое существо с саморефлексией (поэтому со свободой), но с самого начала во взаимодействии с природой (вещами), с себе подобными и бесконечным смыслом-медиумом. Все эти инстанции являются посредническими инстанциями его «большой» саморефлексии, выражаемой большим кругом. Напротив, малой саморефлексией является дополнительная и теоретическая. В этом отношении каждое «Я» представляет «большое Я», в то время как «малое Я» самообъективизации является только фикцией представления.

Это соединение смысловых элементов мы можем уже назвать «системой», как полное целое из ряда взаимосвязанных элементов. Ее можно рассматривать от «Я» (как персональную систему) или от «Мы» - как социальную систему. Но, в общем, это ещё только статическое, не динамическое понимание системы. Динамическими являются реальные системы, поэтому к статическим системным образованиям можно лишь поставить вопрос, выражают ли они мыслительную систематику.

Межличностная рефлексия как принцип динамических социальных систем

Динамическое понимание межличностной или (при вовлечении многих взаимодействующих партнеров) социальной системы вытекает из того, что мы как рефлексивные сущности «Я» и «Ты» (Ego и Alter) рефлектируем друг друга всё же практически (не благодаря чистому,

давно уже известному в социальной науке «перениманию перспективы» (эмпатии), которое остается теоретической рефлексией).

Практическое действие становится рефлексией потому, что оно изменяет состояние другого. Как повседневный пример рассмотрим картины:

1. Я смотрю на другого человека (и знаю, что этот «предмет» - другой человек): простое отношение.

Рис. 2а. Нерелефлексивная интенциональность

2. Я смотрю на другого человека, и он тоже смотрит: рефлексивное отношение.

Рис. 2в и 2с. Одностороннее преследование интереса при рефлексии интенции другим

3. Я смотрю на другого человека, он тоже смотрит на меня как смотрящего на него, и устанавливается взаимность взглядов: двойное рефлексивное и взаимное отношение.

Рис. 2d. Упрощенная схема двойной взаимной рефлексии

4. Я откликаюсь на эту фактическую взаимность (отклоняюще, дружески, испытующе, вопросительно и т.д.) и принимаю позицию другого: повторная рефлексия взаимности или окончательная рефлексия.

Рис. 2е. Системообразующий круг межличностной рефлексии

Начиная отсюда, рефлексия не может продолжаться без нового материала. Этот материал более высоко рефлексировать не может. Достигнуто структурное окончание. При этом нас интересует здесь только структурное, а не содержание и оценки.

В большинстве случаев эта градация, как и вообще все, что происходит повседневно перед глазами, остается совершенно имплицитной или, как говорят, «неосознанной». Неосознанное – это осознанное имплицитно. Социальная теория должна определить эти социальные структуры подобно тому, как это делают психоанализ или биология и медицина в

отношении неосознанного (в другом смысле) функционирования нашего тела.

Социальное действие «классически» определил Макс Вебер как **действие, ориентированное на отношение других**. Если эту «ориентацию» мы мыслим и дальше как межличностную, жизненную и одновременно практическую рефлексию с приведенной выше градацией, то появляется решающая **структурная константа** – четырехступенчатость социального действия. Показанные выше градации рефлексии могут рассматриваться как преобладающие компоненты конкретного социального действия:

- 1) инструментальное рассмотрение другого,
- 2) стратегический учет другого в своих интересах,
- 3) коммуникативное вхождение в ожидания и желания другого,
- 4) метакоммуникативное вхождение в условия и нормы социального взаимодействия.

Здесь многие выражения Хабермаса приводятся в систематический ступенчатый порядок, который как таковой вместе со своим принципом – принципом рефлексии – до сих пор не был известен. Поэтому Хабермас не мог разработать системную социальную теорию (а его контрагент Луман имел полностью абстрактное, неопределенное понятие системы и в поисках стремился найти добродетель многими «диалектическими» маневрами). Социальная рефлексия дает ответ на основной вопрос, оставшийся без ответа в дискуссии Хабермас – Луман: как от социального действия можно перейти к социальной системе.

Практико-социальная рефлексия является строительным материалом, связующим средством, но также и архитектурным принципом социального. Она полностью познается только, когда ее сущностную, имеющую большие последствия структуру одновременно рассматривают как четырехступенчатую.

Это значит, что круг рефлексии, который объединяет участвующих акторов в одну систему (горизонтальная рефлексия), понимается только тогда и потому, что понимаются вертикальные ступени и их структурное завершение.

Рис. 3а. Горизонтальный круг рефлексии между персонами 1 и 2

Рис. 3в. Одновременные вертикальные ступени рефлексии

Прыжок в большой организм: дифференциация подсистем

Вместо жаргона «система», сильно изношенного в последние десятилетия друзьями и врагами, здесь будет вводиться и использоваться равносильное, но по-другому звучащее понятие организма. Хотя оно также имеет печальную историю, поскольку биологические модели и аналогии часто без проверки переносятся на социальную действительность.

Тем не менее, принципом социальной рефлексии это названо потому, что социальная жизнь фактически стоит в аналогии к биологически-органической жизни, и поэтому без боязни, что мы будем иметь только чисто внешне аналогичное образование.

Что отличает организм, так это особенно то, что он сам для себя является целью, то есть имеет самоотношение в широком смысле самоцельности, конечно, не в строгом смысле самосознания, и что он является автопоэтическим, что значит, в определенных условиях воспроизводит сам себя. В значительной мере это относится и к социальным организмам, хотя они невозможны и необъяснимы без действий и сознательных поступков индивидуумов. Однако это не означает, что они исходят только из сознательного произвольного желания участников. Скорее выросшие «органически» (не организованные намеренно) социальные единства создаются неосознанно сами по себе или через головы участников. Именно это не может склонять к тому, чтобы автопоэтический процесс путать с разрывом взаимосвязи между действующими единицами и системой (как у Лумана и его школы).

Показанная в предыдущей главе на первичных частных межличностных рефлексиях структура, не полностью обоснованная из-за краткости изложения, теперь может «смело» переноситься на большие социальные системы, в частности на общество, организованное в государство. Здесь, правда, тоже всегда как-то знают различия, например из речей политиков. В переходе от «как-то» к ясно рефлексивно-логически обоснованному различию состоит решающий прогресс для теории и практики.

То, что выше наблюдалось как ступени рефлексии в интенциональности отдельных акторов, в социальных системах ведет к аналогичным системным функциям:

1. Инструментальное обращение или общение с другим в отношении объективных товаров ведет от целого социального организма к системной функции экономики. Подсистема **экономика** с определенной степени развития или дифференциации связана с медиумом **деньги**, которые сегодня через реальные экономические процессы определяют достойную частную жизнь.
2. Стратегическое действие в сфере непосредственного межличностного взаимодействия ведет от целого к подсистеме **политика**, основанной на усмиряющем произвольную власть акторов медиуме **право**, как основе современного правового государства.
3. Коммуникативное, ориентированное на понимание действие отдельных акторов дает в целостной системе подсистему **культура**, от воплощения коммуникации, обычаев и нравов некоторого социального организма до художественных проявлений сообщества. Для всего культурного **язык** является основополагающим медиумом взаимодействия. (Искусство, что не может здесь рассматриваться подробнее, само является живым, а не только дополнительным переговорным метаязыком, языком по другую сторону языка).
4. Метакоммуникативное, ориентированное на норму действие отдельных акторов образует в общей системе деятельностьную основу и аналогию для подсистемы **легитимация или основные ценности**, проявляющейся сегодня во множестве мировоззрений, этических установок и учений, религий и трансрелигиозных духовных установок. Ее общий медиум составляют лежащие в основе **аксиомы и ритуалы**.

Переход от субъективной или личной перспективы (системной референции) к социальной или коллективной перспективе является, вероятно, самым трудным, но самым важным, чтобы системные уровни в количестве и последовательности не могли конструироваться произвольно. С произвольным конструктивизмом, может быть, еще можно анализировать социальную жизнь, но нельзя изменять или управлять ею.

Необходимо упражняться в смене перспектив, например, понимать, что в экономической жизни непременно возможны и нужны все компоненты и виды действий отдельных акторов, не только деловое рассмотрение

другого лица, но также и стратегически расчетливая, приятная, по-настоящему человеческая коммуникация, даже этическое поведение. Тем не менее, для системного уровня экономики определяющим будет само деловое отношение. И оно прежде всего создается непосредственно через унифицированный медиум экономических процессов, то есть всей этой подсистемы, - деньги.

Подобно нужно строго отличать системную перспективу, определенную для всего социально целого, от индивидуальной на всех системных уровнях, хотя подсистемы по аналогии к действию и ступеням его рефлексии могут отличаться числом и иерархической последовательностью.

Сами системные уровни нужно подразделять дальше по тому же принципу ступенчатости рефлексии. Для здания государства обобщенно это можно представить так:

4	Система легитимации Мировоззрение – этика - религия - духовность Медиум: аксиомы/ритуалы
3	Система культуры Педагогика - наука – публицистика – искусство Медиум: язык
2	Политическая система Управление - исполнение – легитимация - юриспруденция Медиум: право
1	Экономическая система Потребление – производство – торговля - денежная система Медиум: деньги

Рис. 4. Двумерный четырехступенчато разделенный дом (Oikos)

Эти подсистемы или организменные уровни всегда скрытно присутствуют во всех общественных образованиях и поэтому также всегда в дискуссиях, однако в большинстве неясным и потому не имеющим последствий образом.

«Модерн» как раз углубленно характеризует эти системные уровни через процесс их реальной **дифференциации**: разделение политики и мировоззрения/религии, также существенное разделение религии и автономной эмансипирующей культуры в науке, искусстве и т.д. Легко

видно, речь идет не о мелочах и интеллектуальных изяществах, а о всемирно-исторических драмах, решение которых стоило много крови и требовало духовно огромных борений, которые отнюдь еще не закончены и не только в Европе.

Волнует то, что мы еще давно и во всем не отдали должное более глубоким приложениям модерна и охотнее уклоняемся в неопределенный «постмодерн» в том, как делать наши современные, эволюционно поставленные «школьные задания». Это значит, что скрытое «четырёхступенчатое разделение» в политических институтах необходимо принять в расчет теоретически ясным и практически действенным способом.

Не следует подчеркивать, что модель дома не может склонять к тому, чтобы считать отношения между его «этажами» статичными. Будет совсем противоположное. Иерархические отношения скоро также дополнятся круговращением циркулирующих точек зрения.

Для чаще скорее модных, чем рассудительных старателей устойчивости: если «устойчивость» в специфически социальном смысле более не должна быть простым приложением к природной экологии (что имеет место в во многом вымученной, но только кажущейся триаде «экологическое - экономическое – социальное»), то она (устойчивость – пер.) должна пониматься и осуществляться как **циркулируемость** именно этих уровней социального организма.

Только устойчивое, то есть охваченное циркуляцией общество, может устойчиво обращаться также с природой. С этим мы постепенно переходим к практическому ядру всего исследования.

**Основное практическое требование:
четыре «камеры сердца» демократии**

Коммуникация как ключевой вопрос

Все, действительно все проблемы нашего общества связаны с простым вопросом: Кто имеет слово и как словесные сообщения могут упорядоченно взаимодействовать? Проблемы справедливости и, следовательно, права голосования, продовольственные проблемы мира, проблемы, связанные с природой и ее богатствами, безработица и транспорт, мир и справедливые границы, а также справедливость шансов на образование – все это объективно разрешимо, но зависит от одного ключевого вопроса: как могут люди по-деловому и мирно, с возможно полным пониманием и доверительно вырабатывать эти решения? А именно, когда все заинтересованные, а ими являются все, будут говорить?

Это кажется вопросом личной порядочности и миролюбия, но это наивная или сознательная иллюзия. Прежде всего, это вопрос общественных институтов.

Фатальное чувство быть совершенно не слышимым в обществе является ядром чувства бессилия, которое овладело большинством наших сограждан всех слоев: от выпавших из так называемого производственного общества, но еще имеющих терпение и мучающихся бездомных, до социально им близких получателей социальной помощи и безработных (или частично приравненных к ним), от «простых рабочих» до креативных самоучек и высококлассных специалистов, изобретателей, ученых, писателей - бесчисленного количества мужчин и женщин, считающих, что видят вещи яснее, чем они выражены языком общественного мнения, создает в миллионы раз усиленную неудержимую ярость против полной неслышимости в этом обществе. Очевидно, что это во многом связано с нашей «индустрией культуры» (Т.В. Адорно) и с экономической зависимостью всего. Но отношение к парламентской демократии? Может быть она удалена от этого довольно далеко?

Кто так думает, для того демократия является чем-то внешним и чуждым, чем-то просто формальным в действительной общественной жизни. Но за это на него/неё нельзя обижаться, поскольку мы

вынуждены так думать, исходя из «системы», естественно, завуалированной моральными воззваниями и ударными речами, утверждающими: «Это зависит от тебя», в то время как правда состоит в том, что все вышеназванное не доходит до слуха как основного условия так, чтобы это на кого-то могло воздействовать. Это означает, что общественная коммуникация по официальным каналам функционирует недостаточно. Многократно ограниченная связь создает широко распространенное, особенно у растущих и деятельных, чувство бессилия в проблеме демократии.

Эту институциональную коммуникацию в больших общественных образованиях, когда мы выходим за деревенские или производственные собрания, может, хотя и не единственно, выполнять только парламентская система. Должны и могут играть роль народные голосования. Но никакая демократия не бывает без совещательных и законодательных собраний, представляющих весь народ, то есть имеющих «репрезентативный» характер. Как относится идея репрезентативности к идее прямой демократии, будет обсуждаться. Но даже если они являются двумя различными принципами, они не могут находиться в исключительном противоречии. Они относятся друг к другу не как огонь и вода, а как земля и вода или воздух и вода, чтобы «горячие» дебаты о прямой демократии с самого начала считать исходящими из ошибочного противопоставления.

Слово парламент происходит из французского *parler* = говорить, когда друг с другом говорят равные (лат. *pares*), а из английского парламента 17-го столетия оно приняло сегодняшнее значение народного представительства.

Парламент, таким образом, предназначен быть органом всеобщего общественного разговора людей друг с другом, коммуникацией в их обоюдной ступенчатой структуре рефлексии. Если мы сегодня опять не слишком считаемся с парламентом, считаем его не больше, чем «говорильней», как во времена кайзера и диктатора, то это признак серьезной ошибочности конструкции или одновременно тревожного застоя в развитии. И не только в Германии. Другие страны также сделали своих президентов независимыми от этого, очевидно находящегося в кризисе лабильного учреждения. Кажется, что в сегодняшних демократиях дела идут не без них, но также и не совсем с ними.

Кровообращение и четыре камеры сердца

Коммуникация – это кровь сердца общества, не деньги, не его экономисты всех цветов!

Кстати о сердце: оно необходимо, чтобы прогонять кровь через большой организм. Это стало известно не так уж давно. Столетиями сердце считалось какой-то мистической серединой организма, но не приводным мотором системы кровообращения. Это было открыто только в 17-м столетии английским врачом Уильямом Гарвеем (1578 – 1657) одновременно с двумя кругами кровообращением и четырехкамерной системой сердца. Благодаря этому победившему великому научному открытию изменились все возможные основополагающие представления (парадигмы) медицины.

Кто сказал бы сегодня: «Что полезного мы узнали от того, что сердце имеет правую и левую половину и каждая имеет свою главную камеру и предкамеру?», был бы принят не только интеллектуально неинтересным, но и несостоятельным, деструктивным, просто сумасшедшим. Это, конечно, не означает, что каждый должен в подробностях знать о кровообращении и способе функционирования сердца.

Речь идет об уважении революции в познании и многих получаемых из нее в итоге практических шагов прогресса. Будет ли возможно в будущем в подобных случаях и как можно раньше уважение к желаемому просвещенному и способному к коммуникации обществу?

Впрочем, нерожденный плод сначала имеет только одну сердечную камеру. Процесс дифференциации состоится до рождения и должен удастся, если сердце новорожденного будет здоровым.

Без притягивания образа биологического сердца для функционирования нашего парламентаризма и совсем без использования аргументов я все-таки хочу приблизить подобное осмысление к делу демократии. Аргументацию «Это достаточно трудно с одним парламентом – как же тогда все образуется с четырьмя?» можно сравнить с ложными аргументами современников Гарвея.

Только четыреста лет спустя появилось познание социального кровообращения и его сердца - парламентаризма!

Точнее, речь в этом случае идет не о познании продуктов биологической эволюции и об их трудной реконструкции, а о познании законов конструирования общественной действительности исходя из свободы и благоразумия.

Сегодняшние партии: проблема вместо решения

Как только допускается вопрос об устойчивости нашей современной демократической системы и распределении в ней властей, выявляется следующее: политическая власть сегодня распределяется с помощью партий. Это общеизвестно и терпится.

Меньше известно, что только примерно два процента взрослого населения организованы и активны в этих «магазинах самообслуживания» по распределению властей. Некоторые даже утверждают, что при этом осуществляется негативный отбор. И все-таки мы поручаем нашим членам партий, чтобы они были максимально заинтересованы в общественных делах. И чтобы, по меньшей мере, занимающие партийные должности были более талантливы и подготовлены, в большинстве случаев более честолюбивы и заинтересованы во власти.

Незначительному проценту членов партий партактивы регулярно и все снова и снова объясняют: «Да, кто не участвует, тот, естественно, также не может и определять. Если ты хочешь быть действенным участником демократии, а не ее зрителем, тогда ты должен участвовать. И это, конечно, происходит только в одной из партий. Теоретически можно основать новую. Но ты знаешь, как плохи шансы, чтобы преодолеть 5-процентный барьер». Это так просто и «неизбежно»?

Любимый вопрос у интеллектуалов и политологов – это вопрос, что наш Основной закон подразумевает под «содействием» партий: «Партии содействуют формированию политической воли народа» (статья 21.1 Основного закона). Нам не нужно подробно расширять этот научный диспут. Достаточно простого ознакомления, чтобы установить, что «содействие» исключает монополию на распределение власти.

Однако благодаря сформулированному Основным законом заказу партиям на «содействие» власть стала партийной. И это касается не только парламента и правительства, но и распространяется далеко в управление и юрисдикцию, вплоть до внепартийных должностей в таких институтах как школы и университеты. Неудовлетворительное состояние не становится меньше от того, что это теперь не просто одна большая партия, которая патронирует своих людей по службе так, что это приводит к возможно более безголосому распределению мандатов в сообществе политических соперников. И по политическим соображениям это существует как раз там, где более всего это можно ожидать и, безусловно, требовать - в области науки: чтобы стать

успешным ученым, лучше принадлежать одной партии и/или одному профсоюзу или, по меньшей мере, к одной из обеих больших церквей.

«Естественно» нет статистики о числе замещений должностей в университетах, как и в целом в общественной службе, которая бы показывала искреннюю связь с партийным билетом. Кто эти обычные способы действия считает неизбежными и естественными, давно уже отказался от какого-либо нормативного понятия демократии с разделенной и прозрачной властью в пользу протезированной экономики.

Неудовольствие и пессимизм, отсутствие альтернатив сидят глубоко внутри у многих миллионов, даже у преобладающего большинства. Молчащее большинство! Где они могут высказаться? Или в этой несвободной прессе?

Сами опросы мнений дают, несомненно, улучшенную картину, так как при прямом опросе опрашиваемые не хотят признавать весь масштаб своего пессимизма. Усталость от демократии подчинена знаменитой спирали молчания: «Проигравшие склонны к молчанию» (Э. Ноэль-Нойман/ Elisabeth Noelle-Neumann). Признаемся мы в этом или нет, но в отношении функционирования демократии мы все, считающие себя демократами, являемся сейчас проигравшими.

Власть союзов и совесть, отданная партиям

Приведенные констатации вряд ли ослабляются тем, что наше партийное государство одновременно является государством союзов. Как считает информированная пресса, на каждого депутата Бундестага приходится примерно три почтенных лоббиста, то есть с давлением и приманками (например, прибыльными дополнительными должностями для депутатов) работающих представителями групп экономических и общественных интересов. Это постоянное представительство мощных союзов имеет несравнимо больше влияния, чем то, другое совсем неофициальное «постоянное представительство народа», которое день за днем выстраивается в очередь перед зданием Рейхстага, чтобы увидеть его великолепный новый купол и немного почувствовать блеск и беду в немецкой истории. Но прежде всего они чувствуют различие между силой и бессилием: сила меньшинства внизу в пленарном зале, а бессилие многих наверху спирали бессилия.

Если мы посмотрим политическую повседневность, то чувство бессилия каждого имеет больше оснований, чем многие предполагают. Власть имеют только партии и связанные с ними союзы.

«Это профессиональное представительство интересов существует, несмотря на связанную с канцлером конъюнктуру. Более 4000 союзов крутятся вокруг рейхстага, около 1700 из них внесены в так называемый список лоббистов немецкого Бундестага. При этом в 1974 г. уже было 635 организаций. Таким образом, сегодня на каждого депутата Бундестага приходится более трех союзов по интересам, оказывающих на них влияние. Официальный список лоббистов имеет 59 страниц формата А-4 и растягивается от АВДА – Федерального объединения немецких аптечных союзов до Акции будущего угольной области, акция будущего которой, разумеется, состоит в том, чтобы угольное прошлое законсервировать по возможности на долгое время» (М. Фельденкирхен, «Das Parlament», 6./13-1-2003).

Депутаты, кажется, поняли, что представители союзов по интересам совершенно ничего не могут нанести их власти, так как только они, в конце концов, «являются представителями всего народа, не связаны наказами или указаниями и подчиняются лишь своей совести» (статья 38.1, Основной закон). Было бы слишком мало, если бы их независимая совесть была узнана только по помощи так называемому давлению фракции.

В Основном законе этого совершенно нет. И некоторые председатели фракций должны уже об этом вспомнить и объяснить глупцам в стране, что дисциплина абсолютно не имеет ничего общего с урезанием свободы совести отдельных депутатов и с тем, что без «фракционной дисциплины», как это красиво говорится, парламентская работа была бы невозможна. Вообще каждый может следовать своей совести, но вынужден учитывать, что наступает следующее выдвижение в список или даже в прямые кандидаты.

Дисциплина была бы прекрасным немецким качеством, но только когда первичными в ней являются разум и совестливое понимание и через это служба на общее благо. Властно же злоупотребляемая дисциплина хуже, чем никакая. Поэтому немецкая дисциплина больше не имеет хорошей репутации, а партийные секретари могут так иезуитски согласовывать фракционную дисциплину со свободной совестью депутата. Его действительное мнение и совесть были бы единственным оправданием представительной демократии. Она основывается только на доверии избирателей к способности понимать и совести своих представителей.

Неизбежный конфликт между свободным мнением и совестью депутата и обязательным голосованием членов фракции заминается! Аргумент, что никакая «парламентская работа» более невозможна, предполагает приобретение большинства для правительства через его партийный блок, ни в коем случае не создает этот конфликт из мира. Аргумент, что иначе не будет управления, является чисто прагматическим. Однако, при более близком рассмотрении это сильнейший аргумент против такого рода партийной демократии. Она функционирует только, если депутат свое, принципиально ему гарантированное совестливое суждение, отдает партийному руководству. Отрицание этой дилеммы является одной из многих структурных нечестностей нашей современной парламентской системы.

Правителями опять подыскиваются приемлемые для них тайные советы, как это сегодня делается по милости канцлера в виде совета по этике, совета по устойчивости. Так возникает новая «консультатива», поскольку старая легитимная консультатива - парламентская законодательная власть себя изжила. Под предлогом этики это структурный ход назад, в некоторый новый феодализм! Каждому депутату полагается привлекать советников, еще больше это относится к парламенту в целом. Правительство же не имеет права создавать новые конституционные органы, которые парламент, и без того уже пешку в игре партийных блоков, еще более лишают власти. Либо парламент со всеми привлеченными для оказания помощи экспертами сам является консультативно уполномоченным органом и тогда принимающим решения из своего понимания и ответственности, либо он духовно уже непригоден. Последнее, к сожалению, так! Наш парламентаризм все больше и больше становится похожим на вывеску.

О структурном

Безусловно, наши депутаты и парламенты сегодня структурно перегружены, так как вынуждены заниматься всеми областями политики, но не могут это делать квалифицированно. Как раз для этого есть подлинно парламентское решение, которое развивается в этой главе.

Слово «структурно» здесь исключает искусственное морализирование и персональное пригвождение к позорному столбу. Мы сейчас говорим не о личных дефектах депутатов. Они могут еще присоединиться как в каждой жизненной сфере. Депутаты, как и преимущественное большинство членов парламента, - достойные и интеллигентные, часто

очень способные и старательные люди. Старание и профессиональные знания, а также добрая воля наших депутатов определенно здесь не должны подвергаться сомнению, наоборот, признаваться. В большей части их также можно рассматривать как жертв нашей изнуряющей нервы полудемократии.

(Чтобы не отклониться от главного, можно вежливо умолчать, является ли относительно обоснованным размер вознаграждения. Также не мог бы жить только своими книгами самый прилежный и самый одаренный научный писатель. Также и вежливость певца должна молчать, чтобы не навлечь на себя рефлексивный упрек зависти всегда хорошо поставленных «умелых».)

В отличие от обычной морализации и резких апеллирующих речей мы говорим о нечто структурном. Если бы не было выдающихся книг по партийной демократии, как книги Ганса Герберта фон Арнима/ Hans Herbert von Arnim, который педантично останавливается на финансовых аспектах «системы», или Эрвина Шойха/ Erwin Scheuch, который особенно рассматривал соединение власти и должностей, а также менее известных, но хорошо информированных и думающих авторов, то тогда здесь было бы нужно более подробно говорить об этих нарушениях. Но чтобы идти дальше, мы можем считать принципиально известными явления падения и злоупотребления во всех концах и углах, которые точно связаны с партийными звонками, что предположительно также втайне признано политическим классом.

Основное зло единой партии:
структурная беспредметность

Этот раздел с дальнейшим углублением анализа уже почти подводит к решению. Едва ли где-нибудь говорят об основной черте нашего современного партийного дела, то есть о том, **что со старанием построены только фасады, которые не касаются предметных вопросов.** Оставим вне внимания историю мировоззрений партийной системы в Германии или даже «материнских стран» демократии. Чего хотят наши большие партии мировоззренчески едва ли различимо. Но остался чуждый делу блоковый менталитет.

Он господствует, когда какому-то движению как ««зеленым»» удастся учредиться как парламентская партия среди больших блоков. Но «зеленые» также образовали партию старого стиля. То, что между движением и партией могло бы остаться различие, не было отражено в

понятии, как и вообще недостаточная мыслительная работа в пользу как раз не «цельностной» эмоциональной спонтанности была серьезным недостатком «зеленых».

Между внепарламентским и внутрипарламентским поведением нет различия, а **открытое, специализированно ориентированное движение** и **прочное блоковое образование** имеют между собой решающее различие, благодаря чему «зеленые» попадают в старую партийную ловушку.

Прочное блоковое образование ведет к объединению тем, не относящихся одна к другой. В этой слабой тематизации состоит главная проблема партий старого стиля.

Что может, например, сделать защита природы, как главная тема «зеленых», с их более или менее официальным тезисом, что нации и их языковые образования, которые были вчера, в сущности, надлежит ликвидировать? Если рассматривать это от здравого смысла, то скорее можно найти противоречие между обеими позициями: биотопы должны защищаться, а выросшие за тысячелетия как культурные единства нации и их языки, во всяком случае, не обязательно немецкие, нет? «Зеленые» увязывают сегодня обе темы просто противоречивые.

Что должен теперь делать избиратель, если он хочет голосовать за экологическое сельское хозяйство в смысле «зеленых», но также и за сохранение наций и соответствующую иммиграционную политику в смысле гостеприимства культур (Хайнрихс, 1994), что чаще всего (когда недостаточно ясно, что никакая партия как таковая не представляет вопросы культуры) представляет ХДС/ХСС? Он попадает в дилемму, и поскольку сам ни по деловому, ни «чисто» эмоционально просто не может решить, присоединяется к самой любимой большой партии не участвующих в выборах.

Точно так же оказывается перед дилеммой тот, кто одобряет определенную экономическую политику ХДС или СвДП, но ни в коем случае их современную позицию относительно США и в вопросе о мире. Или кто видит хорошо устроенной неолиберальную экономическую политику христианских демократов и СвДП, но находит ее обоснованной не совсем на «христианских» базовых ценностях. Это структурные дилеммы, которые указывают на принципиальный дефицит демократии!

В этом месте не может обсуждаться глубокий сущностный парадокс, что СДПГ, если она хочет оставаться имманентной системой, должна заниматься неолиберальной политикой против профсоюзной собственности, поскольку у нее, как и у самих профсоюзов, в

противоположность своему прошлому, нет мужества развивать фундаментальные альтернативы процентному или доходному капитализму. В основе этого лежит почти всесторонне табуизированное, действительно истинное препятствие в экономике, которое до сих пор избегает рассматривать также «Социальная альтернатива». Именно об этом должны были бы проводиться фундаментальные деловые дискуссии в отличие от поверхностных дискуссий о сохранении власти. Это примеры из сотен дилемм по образцу: в отношении А лучше партия Х, но относительно В – партия Y. **Естественный вопрос:** почему невозможно точно голосовать за А, вместо партий, которые все проблемы от А до Z объединяют в один неквалифицированный конгломерат?

В современной системе единое правительство должно опираться на прочное большинство. Оно нуждается в парламенте с партийными фракциями типа враждебных лагерей, у которых по возможности не должно быть перебежчиков. Хотя «война» в каждом случае ведется по совершенно разным спорным вопросам. Все это ничто другое, как запрограммированная беспредметность! Тяжелая, но как таковая едва распознаваемая детская болезнь демократии.

У всеобъемлющих партийных блоков или блоковых партий как целого возникает структурное побуждение к несговорчивости во всем и каждом. Это должно быть «делиберативной демократией», то есть культурой совместного обсуждения и поиска соответствующих квалифицированных решений? Вспомогательное искусство заключения компромиссов путают с возможно непринужденным совещательным поиском оптимальных деловых решений!

Может быть, было бы справедливо образовать оценочные партии по отдельным предметным вопросам, например, конфессиональная школа или нет, английский как европейский и мировой язык общения за счет языков всех других культур или простой, нейтральный мировой язык общения? Подобные решения являются не аргументированными, а только оценочными. Но оценки и их соответствие должны быть предметно специализированными. Предметная специализация состоит не в том, что я должен сделать курс немецкой общей политики зависящим от того, кто мне более симпатичен господин Штойбер или господин Шрёдер, хотя я с господином Штойбером соглашаюсь в А, а с господином Шрёдером – в В. Наконец, мы можем принять решение о краске для волос, мужском влиянии, о диалектных оттенках или о традиционном объединении партий на благо и боли немецкой политики.

Это современная демократия и в ее материнских странах она не лучше!
Как можно думать об этом и не стать циником?

Блоковым партиям соответствуют кандидаты и депутаты, которые в принципе должны обслуживать весь спектр того или иного программного союза. Даже если они специализируются на определенных предметных вопросах, они должны играть роли всеобъемлющих политиков. Для каждого возникает ложное принуждение быть талантом, претендующим на всеобъемлемость. И даже если я лично имею мало представлений о политике НАТО, экономической политике, культурной политике, медицинской этике, по которым партия имеет те или другие позиции, - нужно голосовать, поскольку они от моей партии. С такой верностью нибелунгов псевдо-всеобъемлющим талантам невозможно делать квалифицированную политику.

Подход к решению:
ступенчатая система компетенций из четырех парламентов

Латентно присутствующие четыре уровня или главные члены социального организма должны дифференцироваться в реальных институтах не только в мыслях. Для этого недостаточно ранее переворотного, а сегодня скудного «трехколорного» распределения властей из времен Французской революции.

Решающей, прежде всего, является коммуникативная = совещательная = законодательная власть. Поэтому первый институциональный вывод в поясняющем тексте гласит: необходимы соответствующие предметно-компетентные, независимо друг от друга избранные парламенты для каждого уровня системы. Сама законодательная власть (легислатива) должна разделяться по принципу ступеней рефлексии на:

4. Парламент основных ценностей
3. Парламент культуры
2. Парламент политики
1. Парламент экономики

Рис. 5. Разделение законодательной власти по принципу ступеней рефлексии

Выраженный в этом **иерархический аспект** вытекает непосредственно из ступеней рефлексии, представляющих логичную иерархию.

(Утверждается, что иерархическое мышление является принципиально устаревшим, если основывается на смешении). Указанная выше последовательность парламентов иерархически разделена на ступени в смысле предметной логики точно так же, как и последовательность общих системных уровней (глава IV).

Так же, как и деление на ступени, конечно, важна **циркулярная обратная связь**. Но прежде чем мы иерархические ступени соединим циркулярной обратной связью, сначала необходимо охарактеризовать задачи отдельных парламентов. При этом всегда нужно соблюдать приведенное деление на ступени. Мы начнем сверху после того, как раньше уже стало ясно, что основная проблема нынешней капиталистической демократии состоит в том, что все социальное целое сегодня почти полностью детерминировано снизу - экономикой. Как это можно изменить без возвращения в теократию? Или в новую «гуманистическую» управляемую плановую экономику (за которую, впрочем, не нужно делать ответственным Маркса)? Мы десятилетиями занимались такими грубыми альтернативами упрощенно и в социальном плане избавили себя от дифференцирующего мышления.

Для пояснения развития вышесказанного приводится следующий рисунок двухмерного Oikos (дома):

Социальная система как государство

4. Система легитимации

Мировоззрение, этика, религия, духовность

4. Судебная власть

3. Законодательная власть = **Парламент основных ценностей**

2. Исполнительная власть

1. Управление

3. Система культуры

Педагогика, наука, публицистика, искусство

4. Судебная власть

3. Законодательная власть = **Парламент культуры**

2. Исполнительная власть

1. Управление

2. Система политики

Земля и транспорт, внутренняя и внешняя безопасность,
внешняя политика, правовая и конституционная политика

4. Судебная власть

3. Законодательная власть = **Парламент политики**

2. Исполнительная власть

1. Управление

1. Система экономики

Потребление, производство, торговля, деньги

4. Судебная власть

3. Законодательная власть = **Парламент экономики**

2. Исполнительная власть

1. Управление

Рис. 6. Четырехступенчато разделенный дом (Oikos)
с развиваемым разделением властей

Парламент основных ценностей:

этический способ демократической ценностной коммуникации

Парламент основных ценностей представляет важнейшую инстанцию для принципиального обновления демократии. Он должен заниматься конкретным объяснением и использованием определенных в Основном законе основных ценностей, как они изложены в статьях от 1 до 19 Основного закона Федеративной республики Германия, а именно законодательным установлением их динамических рамок для всех других уровней.

Выражение «ценностная коммуникация» необычное, даже новое. Но оно характеризует представленный здесь подход, из которого становится понятной важнейшая необходимость парламента основных ценностей.

Потребность в этике в сегодняшних обществах отрицается меньше, чем когда-либо. При этом подразумеваются не только вопросы справедливости существующей социальной этики и, следовательно, этики институтов. Имеется и множество нерешенных старых проблем. Например, все больше и больше в нашем, так называемом, производительном обществе говорится о принципе оплаты по количеству и качеству труда. Но при массовой безработице понятно, что миллионы желающих и способных трудиться исключены из деятельности. Тем самым требование личной производительности становится насмешкой над важнейшим принципом справедливости.

Это является непосредственным следствием **доходного или процентного капитализма**, при котором деньги как непроизводственный доход и сам себя преумножающий капитал текут туда, где не нужно больше работать, и отсутствуют там, где работа в избытке, но не может оплачиваться. Машины и денежный капитал,

стоящий за дорогой, вытесняемой предметной частью человеческой работы, требуют доходной «полной занятости» капитала, но не человека! И напротив, предоставляемые человеку услуги, базирующиеся не на использовании капитала, например, ремонт и обслуживание купленных приборов, в нашем «обществе оказания услуг» становятся все дороже, если их вообще еще можно получать. Не из-за огромной ценности труда человека, как можно считать, а из-за одной единственной значимой ценности – доходности капитала! Здесь пора вспомнить о подобных основаниях нашей «свободной» экономики как образцовых структурных задачах парламента основных ценностей, которые с уровня 4 должны сразу воздействовать на уровень 1.

Также с этикой и основными ценностями связываются все основания образа человека и, следовательно, коллективные ценностные решения, обосновывающие установление законов о допустимых индивидуальных действиях. В том числе, сегодня особенно требуются заключения на жизнь или смерть человека с новыми возможностями генной технологии и искусственного продления жизни. Посмотрим далее на экологические вопросы: как мы учитываем состояние и красоту природы в индустриальном и постиндустриальном обществе потребления? Как мы заботимся о здоровом питании и, значит, о незараженной пище, выступаем против принужденного экономикой использования капитала? Очевидно, что большая часть основных экономических вопросов и еще большая часть экологических вопросов – вопросы этического рода, даже если они большей частью решаются экономистами, но которые о целостном социальном видении не имеют представления или не хотят иметь.

С другой стороны, можно сильно сомневаться в том, что нынешний способ этической деятельности плодотворен и, что особенно, - ведет к результату, если эти усилия осуществляются в рамках так называемого рационального этического дискурса. Вся эта относящаяся к отдельным акторам казуистика («как должен я поступить, в случае если...»), не ведет в большинстве случаев ни к какому теоретическому консенсусу и принципиально чужда жизни. Это имеет значение для личной сферы и еще более для коллективной. Однако для решений необходимо некоторое понимание фактического положения дел. Существенным в решениях, особенно относящихся к высшим этическим ценностям как достоинство личности, жизнь детей и стариков, спасение неизлечимо больного и т.д., является то, что эти решения принципиально исходят из рационального познания фактов, насколько это познание вообще полно

для нормы. В том числе, может ли быть существенно продлена жизнь с больными почками путем трансплантации здоровой почки.

Что этические казуисты и особенно так называемые дискурсные этики со своей принципиально завышенной псевдо-рациональной претензией регулярно наблюдают, так это то, что человеческие ценностные решения рождаются от личного избытка свободы или наличия свободы. Именно это делает решения актами личного профилирования свободы, как это происходит в жизни. Высшую ценность им придает именно то, что: я так хотел и оценил. Человеческое **умение оценки** выходит далеко за рамки рационального познания и вообще познания.

Передавать центральное человеческое проявление свободы этической оценки «научным» или каким-нибудь профессиональным этикам - варварство от имени науки, вряд ли отличающее от клерикального попечительства. Что нужно бы делать, чтобы принимать личное решение, так это быть достаточно информированным о фактах. Так называемые этики, которые уходят от познания фактов и делают кому-то решающие предписания, нарушают человеческую свободу. Большая часть сегодняшней теории этики при более близком рассмотрении является нечистым делом, поскольку она нескромно определяет себя тем, чем не может быть: структурирующей (само) помощью для понимания ценностных решений каждого, а также для ценностной коммуникации между совещающимися людьми. Самым грязным является утверждение дискурс-идеологов, что ценностные решения выводятся рациональной аргументацией, - претензия, которая, однако, опять тонет в тумане ложной двусмысленности «дискурса»: подразумевается собственно аргументация или речь вообще (как во французском *discours* и в английском *discourse*)?

Парламент основных ценностей теперь – это место **преобразования коллективных конвергирующих ценностных решений в действующее право**. Целью является именно законотворчество, а не констатация как таковых общих ценностей. Но все же, в основе законов и, тем самым, во время их подготовки стоят ценности. Это ничего не говорит против того, что, если возможно, формулируется общность оценки. Но совещающиеся часто должны будут ограничиваться прагматическим компромиссом с совершенно различными ценностными основаниями. Например, при решении о сроках для разрешенного аборта, также, когда определенные религиозные представители, исходя из своих предпосылок (например, личная жизнь, начиная с оплодотворения), хотят поставить это на грань смерти, как они еще

несколько десятилетий назад считали грехом сексуальные отношения без намерения оплодотворения, а сегодня однополая сексуальность не может больше быть, к сожалению, уголовно преследуемой. Люди принимают подобное терпеливо, как овцы, у которых, видимо, нет других пастухов. Однако в плюралистическом ценностном обсуждении с практической целью такое бы овечьё терпение прекратилось. Карты определяющих исходных оценок должны быть положены на стол парламента основных ценностей.

Как основание законодательного решения на самом высоком уровне в парламенте основных ценностей развертывается ценностная коммуникация. Основные демократические ценности - достоинство человека и свобода будут не темой теоретической догматики, а становятся динамическим средством обсуждения и голосования большинства. Предметом демократической технологии никогда не было нахождение истины, а, пожалуй, только решение о ценностном выборе. Должен ли быть разрешен аборт при определенных условиях? Как мы должны поступить с эфтаназией? И как с вопросами о возникновении жизни (клонирование, искусственное оплодотворение, предимплантационная диагностика)? Подобное является предметом парламентских решений по большинству (когда единогласие не удастся), но не аргументативного дискурса, который не может допустить решения большинством.

Способы совещания и решения с диалоговой точка зрения имеют высочайшее этическое значение, намного более высокое, чем этические мнения, которые предоставляются профессионалами-этиками как строго поняты догмы. Речь идет об **этическом способе коммуникации**, который никакая теоретическая профессорская этика не может опередить, заменить или превзойти. При этом знанием фактов и дискурсивных элементов коллективная оценка может только подготавливаться, а затем защищаться специальными юридическими формулировками.

Решения парламента основных ценностей являются не вечными и безошибочными истинами, а ситуационно обусловленными выборами, которые в любое время могут приниматься вновь. Такой гибкий способ для избытия требуемых ценностных решений отсутствует в нашей современной «демократии». Тем самым отсутствует эффективная способность применения многих оговоренных ценностей, которые таким образом и далее остаются праздничными ценностями: часто называемый **«упадок ценностей»**, жалоба на отклонение идеологической функции от

того, о чем, собственно, идет речь: **исключения пропасти между теорией и практикой** в жизни общества.

Это не может сделать существующий уже несколько лет Национальный совет по этике по милости канцлера. В нем наряду с профессорами дискурсивной этики прежде всего находятся традиционные конфессии как уполномоченные от наивысшего места главные носители этики, исторический отказ которых от тем любви, сексуальности, а также от основополагающих вопросов социальной справедливости никогда не признавался.

Главные функции **избранного** парламента основных ценностей следующие:

- По возможности общеприемлемо и ситуационно справедливо артикулировать основные ценности.
- Динамически конкретизировать основные ценности для ожидаемых новых законодательных решений.
- Обеспечивать прозрачность религиозно-мировоззренческой игры сил и тем самым корректное сосуществование **всех** мировоззренческих групп (стоящих на почве конституции).

Конфессии и группы, которые боятся этой прозрачности, для этого имеют основания. Они преследуют более или менее мягкий фундаментализм. Но мы можем духовно и действенно противостоять террористическому фундаментализму только собственной последовательностью.

Выбор «экспертов»

Парламент основных ценностей нужно понимать как **собрание прямо избранных представителей населения**, которое, несмотря на различающиеся теоретические точки зрения, достигает прагматического консенсуса в обоснованных правом решениях о ценностях, подавляемых в законах.

Кто понял, что выше подразумевалось под ценностной коммуникацией, что оценка является свободным, исходящим из знания дела актом, поймет также, что общественная оценка должна быть в других руках, а не экспертов-специалистов. Нужны эксперты-оцениватели, которые при знании фактов и предметных возможностей в совместном обсуждении, точнее в ценностной коммуникации, путем той или иной техники

приходят к решению. Эта рефлексивная мудрость несовместима с нерефлексивным предметным пристрастием ведущего ученого и еще больше с ограниченностью плохого специалиста.

Что из этого следует для профиля кандидатов в парламент основных ценностей? Им не нужно обязательно быть медицинскими, теолого-философскими и иными предметными экспертами. Им не нужно быть профессионалами по этике, компетенция которых по жизненной морали сомнительней, чем они думают, потому что, сортируя этические вопросы в соответствии с их компетенцией, получилась бы компетенция для этических решений. Такую компетенцию имеет только предметно информированный, но, прежде всего, способный к ценностной коммуникации человек, как член совещательного, коммуницирующего о ценностях совета.

Парламенту основных ценностей не нужно становиться советом старейших республики или, тем более, верховной палатой лауреатов Нобелевской премии. Однако он будет чем-то похожим на совет мудрецов, которые не мнят себя, что являются ими. Разве не знает каждый одного или несколько таких людей? Могла бы республика, пусть не так быстро и, конечно, с помощью СМИ, на которые ложится серьезная задача, но выбрать совет, возможно, из ста представителей из, возможно, трехсот кандидатов? Для этого не нужно смотреть только в сторону бывших профессиональных политиков.

Наши будущие демократии нуждаются в эффективном, дающем не только совет, но и этическом законодательном руководстве, конечно, без возложения всего на интегрирующий парламент основных ценностей! С парламентами мы еще не закончили.

Отличие конституционного суда

Мы привыкли к мысли, что за истолкование основных ценностей и основных прав ответственен Федеральный Конституционный суд. Но то, что высший суд ответственен только за контроль норм и средств, то есть за истолкование другими органами законов и Основного закона (нашей временной конституции) в допустимом пространстве и корректность средств, - это ошибочная привычка мысли.

Как следует из простого контроля соблюдения и также установления норм, ситуативное использование, конкретизация и дальнейшее развитие конституции должны осуществляться самой законодательной властью. Только суверен, народ, который сам прямо представлен в

законодательной власти, имеет полномочие на новое ситуативное применение и истолкование основных ценностей, только этот суверен вообще должен иметь полномочия. Конституционный суд имеет только полномочие контроля и, как любой суд, является только помощником в решении спорных вопросов.

В будущем конституционный суд должен передать нормальное истолкование конституции законодательной власти, особенно парламенту основных ценностей, и вступать в действие только, если пространство действий конституции будет нарушено. Однако он должен заниматься **возможными спорами о компетенции** между парламентами или между ними и другими «властями». Такие спорности в компетенциях нельзя исключать при сильно дифференцированной системе. Но эту потенциальную задачу нельзя представлять преувеличенно и ей нельзя злоупотреблять как дешевым аргументом против необходимого процесса дифференциации. Спорность компетенций существует и сейчас. Только она разрешается преимущественно не правовым образом, а соответственно власти и попеременными услугами.

Парламент культуры

На парламенте уровня 3 мы можем остановиться короче. Собственно говоря, существенным является уже то, что для больших подразделений - педагогики, науки, публицистики и искусства народом выбираются соответствующие представители (не лоббисты союзов!), которые организуют законодательную деятельность для этих областей культуры, при этом полностью независимо от политического уровня 2 в узком смысле. Эта независимость является мыслью, в которую мы прежде всего должны вникнуть.

Что касается отношения к изданию законов в области основных ценностей, это будет пояснено на нескольких примерах: Если, исходя из основных ценностей, действует закон о том, что в официальных СМИ не разрешены ненужные представления насилия, то это определение, вероятно, нужно ещё конкретизировать парламенту культуры. Однако преимущество здесь на стороне основных ценностей: через такой запрет представлений насилия наш ландшафт фильмов и телевидения сильно бы изменился. С другой стороны, чтобы тем самым не могла ограничиваться свобода искусства в отдельных иллюстративных произведениях, от парламента культуры потребовалось бы уточнение, подобное, как при

конкретизации уже существующего запрета клеветы на религиозные воззрения, так называемого запрета кощунства. (Будет ли принят запрет на представление насилия - это другой вопрос. Здесь речь шла только о примере этических приоритетов для культуры.)

Вследствие высокой значимости культуры для земель Германии часть законодательной деятельности в области культуры нужно было бы передать федеральным землям, как развитие уже сегодня существующей дифференциации. Но, как показывают вышеприведенные примеры, при этом, несомненно, должно даваться федеральное законодательство. Другим примером может быть организация обязательного обучения.

Этим примером и сферой культуры мы касаемся принципиального вопроса: распределения задач государства, частных носителей и общественных учреждений, чему посвящена глава VII. Поэтому в этом месте рассмотрение ограничено тем, что без сомнений является делом государства, точнее, общего государства или, лучше сказать, нации как культурного государства.

Нация – это культурный аспект общего организма, законно организовавшегося как **государство**, причем государство и нация не всегда должны быть территориально совпадающими, как ясно показывает пример обоих бывших немецких государств на территории сегодняшней Федеративной республики.

Значительной задачей национальной законодательной деятельности по культуре было бы развитие языка и именно не просто в смысле оборонительного пуризма как защиты от «нового немецкого языка» или „Denglisch“. (Потому что язык является самым ценным культурным достоянием языкового сообщества, несравнимым ещё ни с каким ценным ландшафтным музеем.) Реформа правописания, например, которая едва ли заслуживает этого названия, - типичный продукт не существующего культурно-государственного органа по развитию национального языка. Филологи, стоящие за этой реформой, могут быть «специалистами». Свободная, освобожденная от политики ценностная коммуникация о том, чтобы это ключевое слово сделать теперь решающим в делах культуры, конечно, не состоялась, во всяком случае, ни в каких решающих «единополитических» инстанциях. Ведь от любви к языку и его дальнейшему жизненному развитию ничего нельзя почувствовать. Однако специально для этого избранному парламенту культуры нужно было бы подобное потребовать.

Вообще задача этого парламента в том, чтобы говорить о богатствах национальной культуры, их сохранении и дальнейшем развитии с участием, но без националистических речей.

К этому также относится вопрос иммиграции, имеющий, конечно, свои экономические аспекты, но который, прежде всего, является вопросом культуры. Раньше он обсуждался как никогда хорошо, как один из центральных вопросов культуры, но сегодня стоит только на периферии («интеграция» через познание немецкого), о чем могло быть так много ложных эмоций. Для *гостеприимства культур* должно существовать взаимное отличие соответствующей принимающей культуры на данной территории от гостевых культур. Отдельные эмигранты должны решить, хотят ли они остаться только гостями с возможностью вернуться назад, или хотят стать немцами. Последнее не означает, что они не будут соблюдать свою родную культуру в землячествах, как это сегодня ещё делают некоторые немцы и другие европейцы в Соединенных Штатах. Примечание: Соединенные Штаты ни в коем случае не являются «мультикультурным обществом». Европа же, если всеобъемлющие политики не причинят слишком много бед против воли затронутых народов, останется объединением многих национальных культур. На этом основывается ее неповторимое богатство.

Если бы у нас было что-то, как парламент культуры, то такие вещи высказывались бы там яснее. Но в высоком доме всеобъемлющих политиков трудно услышать речь, в которой обсуждались бы эти немногие, затронутые здесь вкратце, в национальном плане жизненно важные различия в связи с языком.

Парламент политики

Кажется, что то, что имеется в виду здесь, у нас всегда было с тех пор, как мы имеем парламент. Но это будет ложным выводом и недостатком фантазии. Представим себе, что вместо существующих до сих пор единых мировоззренческих партий в будущем появятся партии нового типа, которые будут заниматься исключительно темами политики в более узком смысле. Об их **содержательном** подразделении до сих пор еще не было сказано, поскольку в приведенном выше доме (Oikos) показано только формальное разделение властей или функций государства для «политики» (две исполнительные власти, законодательная и судебная власть). Здесь вкратце называются темы политического парламента:

- 2.1. территориальное разделение, земельная политика, транспортная политика,
- 2.2. внутренняя и внешняя безопасность,
- 2.3. внешняя политика и европейское голосование в ней,
- 2.4. правовое и конституционное развитие, поскольку право не устанавливаются другими парламентами, следовательно, и гражданское и уголовное право.

Это все ещё огромные темы, прежде всего, если подумать, что целый ряд вопросов о земельной собственности (в отличие от частного использования земли), спекуляции с землей, ее общественного использования – все это высоко политические вопросы, которые сегодня охотно передаются «свободной» экономике. Однако благодаря освобождению от «идеологического» (культура и основные ценности), как и от экономической политики, в результате предметной разделенности партийных границ, эти темы, которые сейчас как экономические темы находятся постоянно в статусе реформ, можно будет решать.

Мы уже не привычны к иному, что многие темы откладываются в долгий ящик. Это против всякой политической гигиены. В осознанной или неосознанной неудовлетворенности это душит интерес граждан к своему обществу. Откладывание дела – смерть демократического участия. Но это можно преодолеть. При дифференциации парламента демократическая гигиена может осуществляться!

Парламент экономики

Самостоятельный парламент экономики в своей неотложной необходимости сравним с парламентом основных ценностей. Он «пересекается» с ним по экологическим и многим другим принципиальным вопросам, поскольку многие решения по основным ценностям имеют непосредственное, устанавливающее рамки значение для экономики. Какой вид экономики делает возможным знаменитое, но имеющее значение только на бумаге (Хартия Объединенных Наций от 1948 г., являющаяся частью нашего Основного закона) «право на работу», считается с фактом, что только работа человека создает новую стоимость благам природы? Ни машины, ни деньги не работают! Тем не менее, на этой враждебной человеку фикции базируется принцип дохода капитализма. **Доход – это заработная плата капитала** в отличие от прибыли как справедливого заработка предпринимателя!

Читатель может позволить расцвести такому представлению в своей фантазии: имеется прямо избранный населением уполномоченный для всей сферы экономики, доверительные люди, которые не делают ничего другого, как вкладывают свои экономические знания в предметную парламентскую дискуссию, чтобы принимать решения о лучшей основной архитектуре и лучших актуальных мерах. Эта предметная дискуссия всегда одновременно является коммуникацией об оценках и ценностных решениях.

Единственными ограничениями этого большого парламентского полномочия для экономического законодательства и актуального управления, кроме решающих приоритетов из области основных ценностей, были бы некоторые приоритеты из политической области, например, вопросы собственности на землю и планирования движения. Этим было бы эффективно выражено, что **экономика должна быть обслуживающей частью общественной жизни**, но не фактором, господствующим над всеми.

В остальном этот парламент экономики со всеми имеющимися в распоряжении экспертными знаниями имел бы свободу предметно-специфических решений, какую свобода еще никогда не давала в мире. Всегда компетенции беспорядочно смешивались: мировоззрение и идеология с экономикой, политические амбиции с соперничеством в экономике и т.д. Джон Мейнард Кейнс (1883-1946) убедительным образом и лучшими основаниями протестовал против обусловленного мезью послевоенного порядка 1919 г.

Чем полезны эксперты как федерально-республиканские «экономические мудрецы», если они – не считая отсутствия демократической легитимации! – все же, не могут быть формирователями экономической политики, если политики, как всеобъемлющие политики, должны рассматривать все возможное, если предметная экономическая политика структурно совершенно невозможна?

Конечно, «эксперты», как они здесь мыслятся, не должны быть исключительно профессорами экономики. Парламент экономики – это не академический семинар, а парламент, который издает законы и который должен одобрять или отклонять меры правительства. Избираемые народом доверительные лица в области экономической политики должны быть способны к предметному дискурсу и коммуникации с экономическими оценочными суждениями, а не к бесконечным и непонятным монологам типа «что будет, если...». Это стоит создавать.

Политики в области экономики должны иметь нечто от предпринимателей. Частично они также могут быть ими. Экономическое государство, то есть то, что определяет законодательную, государственную сторону экономики, сравнимо с большим предприятием, но как с партнером, только (или почти только) устанавливающим рамки для многих маленьких и больших действующих предприятий рынка. **Государство, точнее экономическое государство, и рынок являются дополняющими друг друга величинами.** Настраивать их друг против друга – тенденциозная бессмыслица. Создатель государственных рамок создает их для рынка и ни для чего другого, и наоборот, рынок немислим без политической власти. Многочисленные в стране реформаторы экономики и денег со своим специальным теоретическим и практическим болезненным давлением должны уяснить себе, что их идеи имеют долгосрочные шансы для реализации только в такой общей рамке парламента экономики. Здесь, разумеется, лучшие идеи имели бы свои полные шансы!

Циркулярная обратная связь

Возвращением назад определенного направления, если даже замкнутый контур предполагают уже созданным, циркуляция, конечно, ещё не достигается. Социальная циркулируемость – другое лучшее слово для «устойчивости» в неизвестном до сих пор, специфически социально-экологическом, а не только в природно-экологическом понимании.

Этически-мировоззренческая интеграция или циркулируемость и регенерируемость прежде всего означают обязательное внесение этически-мировоззренческих норм в культуру, политику и экономику. Но циркулируемость целого организма определяется не только односторонним движением сверху вниз. Тогда нереализуемый этический идеализм противостоял бы нынешнему экономическому материализму с тем же успехом, как он теперь уже виден, например, в «праве человека на работу». То, что экономически не может быть достигнуто, как в нынешней экономической системе всестороннее распределение работы, остается в империи желаемых представлений и может еще быть международным «правом человека». Вопрос: какая экономическая система в состоянии удовлетворить законно принятое право человека на работу? В странах третьего мира оно соответствует праву человека на достаточное питание, здоровье, жилье и образование. Но идеалистически завышенное требование ведет к материалистическому отупению.

Следовательно, также должно происходить и обратное: учет экономического и политического принуждения на более высоких уровнях организма. Это значит, что односторонняя иерархическая ступенчатость должна дополняться, но, конечно, не заменяться циркулярными отношениями между уровнями системы.

Генная инженерия растений, породная диагностика и генетическая селекция человека вплоть до его клонов – повсюду, как и в основных вопросах организации экономики, участвуют все уровни социального. Это еще раз говорит за, а не против рассмотрения соответствующих общих проблем персонально различающимися советами разного назначения.

Поднятая здесь проблема гласит: решение всех проблем только сверху вниз было бы почти так же недостаточно, как прежнее или нынешнее «естественное решение» снизу вверх, то есть с доминированием экономики.

Заменить иерархический принцип просто циркулярным и говорить о плохой «взаимности» и «пересечении» в одном круговом процессе, было бы слишком мало, поскольку иерархия по принципу ступеней рефлексии дает практическую возможность на право для соответствующего решения. При этом полномочие для вышестоящего рамочного законодательства сверху вниз является ведущим и не должно ослабляться. На следующем рисунке представлена показанная в начале главы иерархия как система находящихся друг в друге рамок, причем самая внешняя охватывающая рамка является высшей и символизирует парламент основных ценностей.

Рис. 7. Схема рамочного законодательства

Ответ на все возражения против иерархической ступенчатости состоит в том, что в показанную ступенчатую систему компетенций должна встраиваться **циркулярная обратная связь**, не нарушая иерархические ступени ценностей и компетенций.

Общее системное решение проблем этого рода является совсем не трудным, как это кажется сначала, поскольку мы не привыкли применять логическое и системно-теоретическое мышление в социальных отношениях, а не только в машиностроении и компьютерном обеспечении. В наших современных начальных демократических отношениях мы уже имеем маленький механизм обратной связи между парламентскими палатами – Бундестагом и Бундесратом. Между

первым, вторым и третьим «чтением» в парламентских законодательных дебатах стоит оценка Бундесрата, а также, прежде всего, работа парламентских подразделений (комиссий). Они пытаются внести в закон требования союзов по интересам и других общественных групп.

Формально аналогично этому можно было бы каждому парламенту с неравно высокой значимостью и прозрачностью учитывать обсуждение и голосование трех других парламентов, при этом для сокращения процесса, возможно, могли бы быть организованы смешанные комиссии из всех парламентов. (Конкретное завершение основной мысли допускает некоторые вариации.) То, что сначала представляется сложным, редуцируется на следующие простые двойственные отношения:

Парламент основных ценностей (4) учитывает: ..... парламент 1, 2, 3.

Парламент культуры (3) учитывает: ..... парламент 1, 2, 4.

Парламент политики (2) учитывает: ..... парламент 1, 3, 4.

Парламент экономики (1) учитывает: ..... парламент 2, 3, 4.

Кроме взаимного учета голосований соответствующих других парламентов во втором и третьем чтении, каждый парламент для своей области имеет право окончательного решения, конечно, с тем отличием, что ни в каких случаях не существует связанности с указанием, а имеет значение только рамочное законодательное право от 4 по 1.

- Рамочное издание законов содержит **иерархический аспект** и означает: закон вышестоящей законодательной инстанции не может нарушаться законодательством нижней инстанции.
- Учет голосований других парламентов, как и других общественных групп, содержит **циркулярную обратную связь** и означает, что депутаты соответствующего парламента учитывают точки зрения и позиции других, но без того чтобы из этого следовала иная связанность с указаниями, чем заданная рамочными полномочиями.

Если же однозначное большинство всех трех других парламентов выдвигает сходные сомнения против законопроекта, было бы неразумно просто отодвинуть эти сомнения в сторону, если даже с иерархической точки зрения для этого существовало бы право. Позиции парламентов 1, 2, 3, конечно, будут оказывать влияние на депутатов парламента 4, как и

наоборот. Здесь нужно и можно положиться на лучшие знания и совесть депутатов.

Если мы иерархическую последовательность скомбинируем с циркулярной, получается следующий рисунок, на котором из соображений наглядности, конечно, не нанесены отношения взаимного учета голосов в первом – третьем чтениях, а в конфликтных случаях, возможно, даже в четвертом чтении.

3. Парламент культуры

2. Парламент политики

4. Парламент основных ценностей

1. Парламент экономики

Рис. 8. Подсистемы или их парламенты как циркулярный круг

Решающее новшество: предметно-специализированные выборы

Решающим, однако, как и все технические процессы регулирования, является предметно-специализированный выбор парламентариев гражданами вместо обычных объединенных выборов с «единицами партиями». Предметно-специализированный выбор обуславливает предметно-специализированную ответственность. Новая парламентская работа существенно отличается от до сих пор существующей в комиссиях. Соответствующие парламентарии избраны для своей области, для своего уровня социального организма и ответственны за это, имея в виду общее благо, в том числе, когда они в сомнительных случаях должны заниматься с предложениями других парламентов и, таким образом, целым с учетом соответствующей своей перспективы. Из-за этого огромного отличия от сегодняшней парламентской практики правильнее говорить о четырех парламентах или четырех секциях парламента.

Вполне достаточно разделения существующего до сих пор единого парламента на четыре, возможно по 150 депутатов. Возможно, было бы достаточно четырежды по 120 или по 100 депутатов. **И это**

противоположно возможному раздуванию парламентского «аппарата»!

Число несущественно. Решает качество предметно-определенной обратной связи на соответствующем выбранном круге. От этого растет эффективность и предметность обсуждений, к тому же в меньших советах. Для этого число нужно также установить лучшим для обсуждений с психологической точки зрения.

За изменения конституции было бы обоснованно ответственно конституционное собрание из всех четырех парламентов. Общее собрание всех четырех парламентов так же необходимо для периодического распределения бюджета (частичных бюджетов) в каждой из четырех подсистем государственного действия. Обсуждение частичных бюджетов различными парламентами, к тому же, несет с собой значительное улучшение прозрачности бюджета для депутатов и граждан.

Однако другие функции, кроме этих двух (изменения конституции и периодического распределения бюджета), не могут обсуждаться на общем собрании парламентов, как при обычном принятии законов. Это было бы рецидивом возврата в старый единый парламент с непредметными смешанными компетенциями. Только предметно-специализированная разработка законов придает предшествующим выборам по предметным областям их полный вес. Вероятно, структурированная (по принципу ступеней рефлексии), не сводимая к единому унифицированному совету система компетенций является решающей. При этом минимальное значение имеет наименование: идет ли речь о «парламентах», «домах», «камерах» или еще о чем-то. Выражение «камеры», которое принадлежит картине разделенных желудочков сердца, скрывает, однако, большую опасность, что благодаря одобрению традиционных форм камерной экономики снова нивелируется сущностный разрыв с прежним единым парламентом.

Возможные трудности компетенций, которые противники нового будут приводить в доказательства, могут регулироваться паритетно назначенной процессуальной комиссией всех четырех «домов», до того как в крайнем случае должен был бы потребоваться Конституционный суд.

Предложенная здесь парламентская реформа делает парламент экономным и практически не дороже! И не только из расчета числа депутатов, а также из расчета эффективности их труда. Доплаты к содержанию за перегрузки могут отпасть, поскольку не каждый депутат

должен изучать проекты всех парламентов. В общей законодательной деятельности конфликт между парламентами не будет большим, а возможен только по некоторым решающим пересекающимся позициям. Полная независимость полномочия и ответственности во всех четырех парламентах лучше всего выражается тем, что четыре избирательных листа отмечаются не в один день выборов, а что соответствующим образом на федеральном уровне проходит **четверо выборов в четыре разных года**, в связи с тем, что вопросы основных ценностей, культуры, политики и экономики все имеют полностью собственный признак и вес. Они заслуживают и требуют каждый раз собственной общественной дискуссии, внепарламентской ценностной коммуникации с аргументирующими и структурирующими элементами. Таким образом каждый раз в течение года общественный процесс по трудным вопросам посвящается одной из политических областей. («Политика» здесь понимается в смысле общей правовой организации общества, в отличие от уровня политики в узком смысле.)

Почему не каждый год состоятся выборы в воскресенье на федеральном уровне? Это может принести только пользу демократии участия. И они должны быть при новых технических вспомогательных средствах - использовании электронной избирательной карты - только без ссылки на мнимые аргументы издержек! (Здесь не следует обсуждать возможные, но по содержанию не так желаемые временные объединения с коммунальными, земельными и европейскими выборами.)

Предметные партии как «логичный» результат

Только при регулярных и специализированных по сферам политики выборах граждане чувствуют, что их голоса имеют значение. Это голоса за «экспертов» доверия, то есть доверенных людей. Благодаря многократному предметно-специализированному способу голосования становится ненужным голосование списком (пропорциональные выборы). Но даже если пропорциональные выборы по партийным спискам должны проводиться, то они, как и сами партии, имеют полностью измененный характер: теперь в выборах участвуют предметные партии. Вместо единых для всех областей структурно беспредметных партий становятся необходимыми предметные партии и только предметно-специализированные выборы. Старым единым партиям - «партийным картелям», которые своей финансовой и организационной силой захотят распространиться на предметные

области и придать новый стиль предметно-логическим связям партий, нужно будет связать это с новым законом о партиях.

Об общем вопросе финансирования партий и возмещения выборных расходов в измененных коренным образом отношениях мы здесь еще не должны рассуждать.

Интеграция через дифференциацию как принцип эволюции

О современном процессе дифференциации через разделение труда и отделение «сфер ценностей» (Макс Вебер) много написано в специальной социологической литературе. Все великие социологи пионерской генерации, когда этот предмет еще не был отделен от философской социальной теории, признали, что «модерность» в процессе дифференциации может определяться различным, но взаимосвязанным способом. Решающей является дифференциация сфер ценностей, поскольку по ним узнают подсистему организма. На вопрос о том, как именно дифференциация уровней ценностей может привести к более высокой интеграции, Макс Вебер, однако, не ответил. В динозавроподобном росте бюрократической организации он видел неизбежное развитие и в отмеренное ему время жизни (1864-1920) не мог предложить решение.

После того, как указанные сферы деятельности и ценностей – подсистемы социального организма разделены на логически дифференцированные друг от друга ступени, общества приобретают новую, более высокую форму интеграции:

- Эффективное управление происходит сверху вниз, при этом также допускается обратная связь снизу вверх.
- Каждому уровню социального оставляется своя собственная произвольная законность, однако не в форме «дикорастущей» автоматике снизу вверх (от системы экономики до подсистемы мировоззрений), как сегодня это фактически происходит.
- В отличие от религиозного «интегрализма», интеграция не означает, что каждым уровнем социального можно прямо и исключительно управлять основными ценностями даже в самой просвещенной форме, а только косвенно через рамочную законодательную деятельность.

Долго просто не может продолжаться, что те же самые всеобъемлющие политики, которые ответственны за национальную безопасность, транспорт и внешнюю политику, распоряжаются образованием и культурой, даже содержанием школьного образования и т.д., так же мало разбираясь, как и организацией наших религиозно-мировоззренческих интересов.

Доминирование экономики над политикой только кажется неизбежным. Оно основано на отсутствии дифференцирования различаемых здесь уровней и означает, как минимум, **структурную коррупцию**, по отношению к которой отдельные случаи коррупции, включая известные скандалы с партийными донорами, являются относительно невинными симптомами.

Для упреждения очередного стандартного возражения: политическое управление экономикой через рамочное законодательство не имеет ничего общего с плановой экономикой, а означает законное установление, в какой рамке может плюралистически развиваться свободная экономика по своим собственным рыночным законам. Свободный рынок - **политически создаваемый** институт. Нынешняя диалектика господина и слуги (попеременного услужения и господствования) между экономикой и политикой должна уступить место осознанной и свободной структурной логике.

Представители политического класса, его «научные» разработчики и те, кто все еще думают, что порядок и развитие нашего общества не имеют ничего общего с логикой, основательно заблуждаются. Люди, которые понимают представленную концепцию и хотят более, чем четвертую часть демократии (это уточненное выражение теперь понятно), со временем докажут им это.

Множество следствий: непарламентские «власти»

Как по организменным уровням или подсистемам разделяется парламент, так же теоретически это происходит и в случае:

- других «властей», как первоначально назывались функции государства, прежде всего, судебной власти, осуществляющей правосудие, точнее функцию осуществления правосудия;
- правительственной исполнительной власти;
- управленческой исполнительной власти (администрации).

Двойная исполнительная власть

Классическое «триколорное» (трехцветное) **учение о разделении властей** с различием исполнительной, законодательной и судебной власти было важным историческим прорывом уже ко времени Французской революции. Однако систематическое обоснование, которое дается здесь на основе теории рефлексии, отсутствовало. Поэтому в исполнительной власти **политическая исполнительная власть** не отличалась от **управленческой исполнительной власти** или администрации. В США *administration* считают прежде всего правительство, что четко показывает изначальное системное, но непрочное смешение обеих исполнительных властей.

Однако именно министерская бюрократия образует удлинённую руку политической исполнительной власти: и письменный стол, и мыслительную мастерскую правительства. Поэтому она в большей мере связана с разработкой указаний, чем избранные носители решений.

Но этого нет в случае подлинного управления. Связанность с указаниями в противовес правительству означала бы здесь коррупцию и фаворитную экономику, поэтому канцлер или министр финансов будет остерегаться давать указания финансовой службе, например, отдельно обсуждать налоговые обязательства.

Управление не должно делать ничего другого, как корректно и осмысленно **применять** существующие законы и предписания, в то время как политическая исполнительная власть должна **управлять**, то есть **креативно решать** и действовать в большом игровом пространстве.

От правительства мы ожидаем, чтобы оно своевременно, изобретательно и умело использовало свое пространство действий, а от управленческой исполнительной власти только то, чтобы она осмысленно и корректно (но не формально сверхкорректно и бессмысленно!) применяла действующие законы и предписания. Это принципиальное различие в значении исполнительной власти до сих пор при отсутствии теории ступеней рефлексии понималось не ясно, хотя и без теории оно легко очевидно.

Из-за **смещения властей** на основе неясного учения о разделении властей в парламенте заседает не только правительство, имеющее право голоса. Напротив, только что подчеркнутое пространство действий правительства сужается в ущерб обществу. Где может действовать правительство без влияния на блокирующего партийного покера? Оно само есть партия, которая только ещё является исполнительным органом других партий и удерживается на коротком поводке почти в смысле императивного мандата, конечно, не в отношении населения, а в отношении партий. Все это не соответствует смыслу разделения властей!

Новое понимание управления:
функция оказания услуг

Управленческая бюрократия, которая не была собственно темой «власти», до сих пор едва ли находилась под демократическим контролем. Но мало смысла создавать дополнительное «гражданское общество», не касаясь конституционных нарушений, из-за которых управленческая исполнительная власть значительно лишена демократического контроля. Из этого вытекают следующие минимальные конкретные требования:

- Во главе каждого органа управленческой власти должны стоять либо прямо демократически избранные, либо компетентными парламентами **избранные шефы**, ответственные за эффективность и дружественность органов власти к гражданам.
- Как это уже есть в некоторых областях, например, в защите данных, у каждого органа власти должны быть **гражданские уполномоченные**.
- В каждом учреждении обязательно должна быть **схема организационной структуры (органиграмма)**, показывающая, какому органу власти прямо или косвенно подчиняется это

учреждение и как этот орган власти встраивается во все общество, включая указания о возможностях жалоб и ответственных гражданских уполномоченных.

Ужас, связанный со словами «учреждения» и «органы власти», основан на недостаточной ясности для гражданина и также официальности, но ещё более на снисхождении со стороны служащих и чиновников - реликте додемократического начальственного государства, с которым сталкиваются граждане. Управленческая исполнительная власть или администрация должна развиваться от «враждебной оккупационной власти» к **самоуправлению населения**.

И это самоуправление должно осуществляться как подлинное оказание услуг. Прежние слуги начальства будут «служащими» населению. Вышедшее из деловой жизни выражение «клиент» очень мало подходит для обозначения этого измененного отношения гражданина к его уполномоченному. Оно основывается на коммерческом заблуждении. Для служащих своих органов самоуправления граждане являются и получателями, и исполнителями услуг. Здесь должен быть новый язык!

Один или четыре шефа правительства?

Говоря о подразделении управления, мы не хотим здесь войти в сферу существующей «науки об управлении». Напротив, управленческая наука еще очень мало проявляется, по меньшей мере, в Германии. Начавшая в 2004 г. в Берлине учебную деятельность „*Hartie School of Governance*“ уже своим названием показывает, что речь идет об инновации.

Наш главный вопрос относительно функции правительства звучит так: должна ли правительственная исполнительная власть также многократно разделяться, если это так важно для законодательной власти и является даже решающим для всей демократической жизни?

Попытаемся дать краткий ответ: четырехступенчатая разделенность правительства, если смотреть издали, может не быть обязательной и так же существенной, как для парламента, но всё-таки желательна и, возможно, очень плодотворна.

Теперьшние министерства можно будет свободно упорядочить по уровням экономика – политика – культура – основные ценности, говоря точнее, нужно только аккуратно отделить культуру от «культы». К задачам министерства культуры на земельном или федеральном уровне относятся:

- 3.1. педагогика, то есть школа и ее первые ступени, включая обучение в высшей школе;
- 3.2. наука как исследование (которая, возможно, яснее, чем до сих пор, должна отличаться от уже разработанной теории);
- 3.3. публицистика и общественная коммуникация;
- 3.4. искусство.

Министерство «культы» в новом дифференцированном понимании, напротив, ответственно за намерение всех частных и общественных учреждений, которые касаются мировоззрения, этики, религии или духовности. Разумеется, не в смысле слежки за образом мысли, а наоборот, чтобы гарантировать достойное человека корректное и упорядоченное сотрудничество этих мировоззренческих учреждений, главным образом гражданских, то есть негосударственного типа.

Вернемся назад к исходному вопросу: один шеф правительства или их четыре? Автор настаивает на необходимости четырех шефов правительства, которые находятся друг с другом в коллегиальном сотрудничестве, но одновременно в предметной иерархии, в той же иерархии, как и четыре парламента. Высший шеф правительства, ответственный за область основных ценностей, мог бы одновременно быть президентом государства. Он имел бы больше исполнительной функции, чем сегодня федеральный президент только в своем поле основных ценностей, что соответствовало бы моральному авторитету до сих пор бывших немецких федеральных президентов. «Управляющие» культурой, политикой в узком смысле и экономикой имели бы свои собственные ответственности, которые они должны коллегиально и, прежде всего, по предметным правилам согласовывать друг с другом. Кажется, это восстанавливает «монархическое», осуществляемое «властителем» правление. Однако оно, конечно, влечет за собой намного большие риски, чем предметное, ясное, упорядоченное по компетенциям разделение ответственности на многих. Отказ или потеря доверия одним управляющим, а также смена правительства из-за вотума недоверия парламента, всегда касались бы только одной области, а не всего правительства. Кроме того, четверо управляющих приступают к своей службе не одновременно, поскольку законные периоды «их» парламента различны.

Конечно, здесь имеется разнообразное пространство действий для различных конституционных решений на основе четырехступенчатого

разделения, то есть первично четырехступенчато разделенного парламента. При этом саму идею четырехступенчатого разделения можно было строго дедуцировать из основных структур рефлексии социального взаимодействия. Однако из этого, даже если и хотят дедуцировать, не рождается ложное честолюбие, чтобы заранее в деталях определить все возможные конституционные вариации.

Общее о разделении властей

Впрочем, на сегодня полностью исчерпанное разделение властей теперь приобретает новый смысл ещё потому, что управляющие и их министры не входят в парламента (разделение мандата и службы в правительстве в отличие от службы в партии). Хотя управляющие шефы и их министры (и «государственные секретари») выступают за предметную программу одной или нескольких предметных партий, но на период правительственной ответственности их членство в партии, фракции и право голосования в парламенте должно быть приостановлено, поскольку правительство строго за всё ответственно и перед всем народом, а не партией, как это ещё имеет место сейчас. Аргумент, что таким образом оказываются растраченными или сдержанными харизматические дарования, едва ли мог бы существовать при новых, разделенных отношениях. **Каждая яркая личность может и должна развиваться предметно специализированно.** Чистая харизма профессионала власти - «универсала», как остаток из «единогосударственных», даже командногосударственных времен, теперь мало востребована.

Само собой разумеется, что новое разделение касается также и **судебной власти**, понимаемой преимущественно как контроль над нормами (а не как первичное применение права, которое относится к уровню управления), в особенности того, что касается требуемой независимости судей от партий старого стиля. Однако это увело бы нас здесь далеко к основательно заминированным областям учения о праве. Достаточно видеть способ разделения демократических «камер сердца», чтобы сделать выводы для всех трех других «властей», в том числе основных функций государственно-правовой сферы.

Дополнительное архитектурное измерение: триединство «государство – частное – общественное»

Позволю себе возразить против соображений последних глав, которые, несмотря на копые, даже сломавшееся на последних страницах для гражданского понимания управления, были государственно ориентированными. Но государство означает не что иное, как обширное правовое общество. Если мы оставим здесь вне внимания Европейский Союз как союз государств (или супергосударство), то в национальном государстве вниз идут федеральные земли, округа и коммуны. Все они имеют свое участие в государственном правовом обществе. При этом важнейший до сегодняшнего дня уровень государственности образует национально-государственный уровень.

Слово «нация» подчеркивает культурное, догосударственное единство, а «государство» – правовой институт с монополией его власти.

Многие представители сегодняшнего «гражданско-общественного» движения хотели бы мыслить вне «государственно ориентированного». Имеются в виду пережитки всевластного государства, многочисленные не только в Германии. Как внутри, так и вне Германии общее современное самопонимание «политических классов» носит начальственно-государственные черты. Поэтому гражданско-общественное движение не может и не должно оставлять в покое государство в его современной «конституции». Оно не может не думать о государстве, как это начальственно предполагается, не создавать его новую концепцию мышления. Иначе многие хорошие предложения «снизу» легко станут общественными играми на «Титанике». Поэтому государство как правовой союз ничем нельзя заменить. Но оно не может ни, как раньше, мистифицировать, ни, как легко происходит сегодня, игнорировать гражданских участников или даже бороться с ними.

Наряду с указанной структурной четырехступенчатостью, одновременно во всех областях необходимо учитывать следующее триединство организационных форм:

4. Система легитимации

Мировоззрение, этика, религия, духовность

4. Судебная власть

3. Парламент основных ценностей

2. Исполнительная власть

1. Управление

3. Система культуры

Педагогика, наука, публицистика, искусство

4. Судебная власть

3. Парламент культуры

2. Исполнительная власть

1. Управление

2. Система политики

Земля и транспорт, внутренняя и внешняя безопасность,
внешняя политика, правовая и конституционная политика

4. Судебная власть

3. Парламент политики

2. Исполнительная власть

1. Управление

1. Система экономики

Потребление, производство, торговля, деньги

4. Судебная власть

3. Парламент экономики

2. Исполнительная власть

1. Управление

Индивидуумы	Общественные сообщества	Регулируемое официальными
Семьи	(объединения)	действиями
Частные	Общественные союзы	государственное общество
сообщества		
	«Гражданское общество»	
	или свободная общественная сфера	

Рис. 9. Четырехступенчато разделенный Oikos
с тройным по вертикали разделением организационных сфер

- **государственная** деятельность – деятельность уполномоченных должностных лиц;
- **частная** деятельность – деятельность по собственной инициативе;
- **общественная** деятельность находится между ними, начиная с зарегистрированных объединений до объединений общественного права, имеющих, как гласит само название, привилегированный правовой статус, не являясь государственными учреждениями.

(Это триединство задумано иначе и последовательнее, чем часто слышимое, но социально-философски не продуманное триединство «государство – рынок – общество», частично основывающееся на

смешении четырехступенчато выделяемых подсистем. Рынок ни в коем случае не является воплощением всех частных инициатив, а представляет их только на экономическом уровне. А общественными являются не только соседские сообщества или другие общества по самопомощи, которые выручают, когда официальная помощь более не функционирует. Наоборот, общественное охватывает всю полноту общепольных инициатив.)

На общем разделении частного – общественного – государственного образуется понятийный инструментальный, позволяющий рассматривать гражданское общество не просто как (негативную) свободу от государства, а как освобождение для собственной инициативы и при этом на всех четырех уровнях социального организма:

- Освобождение от **классового государства**, «демократия» которого до сих пор служит главным образом правовой привилегии увеличивающих сами себя денег, знаменитого капитала, с целью действительного равенства экономических шансов. Это произойдет не без базового осознания капиталистического принципа работающих денег и дохода от капитала. Но где у нас есть всеобщественный институт, в котором вообще можно было бы серьезно и непрерывно дискутировать по таким базовым вопросам? Парламент экономики не может представлять единственный институт такого рода. Но к нему должны юридически эффективно тянуться нити, поскольку сами парламенты призваны для того, чтобы совершать постоянный переход от гражданского к государственно-правовому.
- Освобождение от **партийного государства** с целью коммуникативной предметности внутри и вне новых парламентов. Господствующие партии чувствуют себя сегодня как государствообразующие институты. Но они «содействуют формированию политической воли народа» (Основной закон, статья 21) так, чтобы их можно рассматривать как живое формирование гражданского дискуссионного процесса? Ставить так вопрос – значит их отрицать. Не помогают также гражданские движения, которые предоставляют власть в оформлении общественного пространства и государства ещё партиям старого стиля. Гражданское движение должно идти на все, чтобы не отречься от самого себя.
- Освобождение от **школьно-поучающего государства** с целью культурной креативности. Когда-то было большим прогрессом в

культуре, когда государственные общества взяли из рук церкви исключительное право на школу и ввели всеобщее обязательное обучение. А сегодня нужно снова в самой значительной мере ограничить государственное участие в школах и университетах. Государство должно ограничить свой «надзор за школами» тем, чтобы гарантировать минимальный стандарт и сопоставимость окончания. Наверное, нельзя также лучше управлять исследованием и обучением по партийно-политическому и внутри научному завету - мягкому, но высокоэффективному виду коррупции, чем когда граждане в наивысшей мере сами принимают решения по относящимся к ним услугам. Эта «свобода духовной жизни» (Рудольф Штайнер/Rudolf Steiner и антропософия) не может, однако, от **дождя государственного управления** попадать в **желоб экономической зависимости**. В этом состоит большая культурная конструкционная задача, в которой США только частично могут быть для нас примером.

- Освобождение от **конфессионального государства** правовой государственно-церковной сверхпривилегированности старых конфессий. В этом месте речь идет не о внутрирелигиозных вопросах. Хотя религия как социальный феномен находится в центре «общей» социальной философии. Если мы серьезно рассмотрим гражданскую свободу совести и подлинную свободу мета-коммуникации (коммуникации в отношении высшей ценности и, значит, в отношении условий всех прочих коммуникаций), то ясно, что исторические привилегии из времен всевластных государств (которые еще вплоть до 20-го столетия назывались «протестантскими, реформированными или католическими»!) больше не могут задавать тон. Эта сверхпривилегированность исторических конфессий именно в немецкоязычных областях в значительной мере ещё стоит в повестке дня, начиная с финансируемых государством конфессиональных детских садов, конфессиональных начальных школ до теологических факультетов, часто двух, расположенных рядом в большинстве университетов, не считая еще существующих конкордатных кафедр на философских факультетах. Не говорим о церковной налоговой привилегии. Все это реликты из времен власти «по милостям Бога».
- Здесь в религиозно-мировоззренческом сказывается недостаток «гражданской» свободы, без которой не может быть зрелости,

например, в коммуникации об этических ценностях (связанной с парламентом основных ценностей) и, следовательно, серьезного развития ценностей, вытекающих из свободы и духа. Либо общественность задумается об общих философских ценностных основаниях общества, которые принесены различными религиями, конфессиями, мировоззренческими группами и корректно приносятся сейчас, либо она остается в «самовиновном несовершеннолетии».

- Необходимое просвещение («выход человека из самовиновного несовершеннолетия», Кант), о котором здесь говорится, ни в коем случае не атеистическое. Именно поэтому, к сожалению, оно встречает оживленное сопротивление монопольных конфессий. Но пока также и потому, что до сих пор гражданское движение не проявляет себя именно в сфере основных ценностей и не рекламирует свои самые насущнейшие права. Здесь ни слова не говорится ни о каком религиозном индивидуализме, наоборот, о свободе религиозной общности. Она несовместима с сегодняшней, основанной на «государственно-церковном праве» **конфессиональной государственностью** (остатком церковной государственности) с бесчисленными привилегиями больших церквей.
- Эту «Свободу христиан» в отношении к государственному абсолютизму, к сожалению, в свое время ещё не продумал Лютер. Иначе многие религиозные войны миновали бы нас, также и губительное немецкое смирение перед властью. Но сегодня эта свобода, также на религиозных и духовных основаниях, может и должна соблюдаться совершенно бескровным способом. Многие религиозные служители, действительно обязанные духу, увидят это сами. Только мужества!
- Здесь были названы четыре области, в которых гражданские подвижники, если они себя воспринимают серьезно, не могут оставить нетронутыми существующие правовые состояния, при этом полагая, что принципиальный подход к проблемам является «государственно ориентированным». Государство – это мы с нашими правом регулируемые отношения!

Глава VIII

Социально-этическая точка зрения: социальные принципы и их эволюция

Когда речь идет о структурных вопросах общества, морализирование и апеллирование к отдельным людям изначально отклоняется как идеологически уводящая стратегия. Но структурные несовершенства общества напоминают каждому, что целое не лучше, если ты сам не становишься лучше. Решающим же улучшением каждого, которое фактически продолжается, является именно «выход человека из самовиновного несовершеннолетия», уход от конформизма и беспринципного соглашательства как наркотиков для фактической общности. Закончим с готовностью быть обманутыми и убаюканными, особенно старыми начальственными средствами производства чувства вины!

После того, как разработана «внешняя архитектура» будущего демократического общества с четырьмя системными уровнями (являющимися также уровнями ценностей) и тройственной организационной формой (государственное – частное – общественное), есть смысл установить соответствующие социально-этические принципы «внутренней архитектуры». Они имеют совершенно иной статус, чем моральные призывы. В первую очередь они являются социально-этическими руководствами для разработки законов и практического толкования законов. Во вторую очередь они, конечно, являются также критериями для индивидуального поведения.

Начиная с 19-го столетия, в католическом социальном учении были установлены некоторые социальные принципы, которые здесь позитивно присоединяются, но с большим притязанием на системность. При этом опять ступенчатость рефлексии служит мета-принципом, чтобы эти великие социально-этические руководства особой важности тематизировать в их внутренней взаимосвязи.

Принцип солидарности (солидарной справедливости)

Из представленной в главе III картины человека следует, что нет изолированного индивидуума, а изначально существует связанность индивидуумов. *Человек – живое существо с саморефлексией (отсюда*

свобода), но с самого начала находящееся во взаимодействии с природой (обстоятельствами), с себе подобными и бесконечным смысло-медиумом. Все эти инстанции – инстанции посредничества в «прожитой» им саморефлексии, проще говоря, его жизни.

Согласно этому свобода изначально должна пониматься как **общая диалоговая свобода**. Не как простое самоопределение, а как определение себя в определяющих образованиях (природе, других свободах, смысловых потоках).

Поэтому мы можем солидарность как изначально связанность выразить в формулировках точнее. А именно как:

- **Солидарность с природой** и в природной связанности людей. И в раннее время человек был также физически потерян, если в результате спора или преступления он утрачивал принадлежность к обществу существования.
- Солидарность как **уважение персональной свободы каждого** и его своеобразия, то есть принципиально равного достоинства личностей.
- Солидарность как **связка от свободы к свободе**, как забота, надежность и верность, то есть взаимная справедливость между людьми, даже при физической необходимости.
- Солидарность как здесь увиденная **распределяющая справедливость** общества и его институтов.

Для всех этих ступеней и аспектов свободы имеет значение принцип «Один за всех и все за одного», из которого исходит импульс к солидарной справедливости («Каждому свое» по размеру взаимности в участии и отдаче).

Принцип права (правового государства)

Собственно о принципе солидарности все было сказано. В нем также имплицитно содержатся основные положения «естественного» права. Но так как на далеких дистанциях истории с «бесформенной» первоначальной солидарностью при опытности и неустойчивости человеческой свободы оно не удавалось, то из первоначальной взаимосвязанности образовалось формальное право, как «правило взаимного ограничения свобод» (Кант). Хотя, как мы видим, ограничение касается отнюдь не первичного отношения свобод друг к другу (прежде всего диалогического разграничения людей по цвету

кожи), как если бы люди выпали из изначальной связанности, а всё-таки системного и эволюционно необходимого отношения. В частности, относительно внешнего вполне по праву нужно отличать: твое и мое, мою работу и твою работу.

На принципе права, но уже позднее, было построено правовое государство. Оно использует право не просто для помощи, а противопоставляет его произволу господствующих (на религиозной или чисто властной основе), устанавливает право, разъясняет и применяет его. Только в правовом государстве право из оружия произвола господствующих становится принципом свободы. Государство тогда означает не что иное, как правовое общество. (Так сказал еще Кант в своей *Метафизике нравов* от 1797, §45).

Всеобщее исполняемое (в демократии - всеми установленное!) право является «деловой основой» современного мировоззренчески плюралистического государства. Государство отнюдь не тотальность человеческих сообществ и общественности, а защищающая их минимальная структура. Вследствие того, что право, с одной стороны, конечно, имеет доправовые, то есть этические и мировоззренческие основания и нуждается в них, оно обсуждается во взаимосвязи с парламентом основных ценностей. В новой продвинутой демократии только он осуществляет соответствующее регулирование **перевода доправовых оснований в право.**

Принцип субсидиарности (демократического суверенитета)

Если формально законность была диалектическим индивидуалистическим ударом против изначальной солидарности, то субсидиарность со своей стороны подразумевает диалектическую противоположность принципу права (правового государства) – преимущество уже индивидуализированных одиночек и также элементарных сообществ по отношению к государству и другим социальным образованиям.

Субсидиарность (от лат. *subsidium* – помощь) означает не меньше, как построение общества снизу вверх, от маленьких до больших комплексных образований. Большие должны помогать меньшим, недавно возникшим образованиям, но, не подавляя их. Название вышло из дискуссии католической церкви с государством об отсутствующих правах семьи. (Классическое изложение: энциклика *Quadragesimo anno*,

от 15.5.1931). В основу здесь положен абсолютно фундаментальный, по сути, древний социальный принцип.

В немецком Основном законе (все еще не конституции, принятой населением, как требует §146 самого Основного закона) эта мысль выхода государственной власти снизу выражена в ст. 20.2 Основного закона: «Вся государственная власть исходит от народа». Но связь этой мысли о суверенитете народа или демократическом суверенитете с субсидиарностью не развита. Тем более, здесь необходимо подчеркнуть: принцип субсидиарности говорит не о какой-то особенности, например, праве семей на самоопределение, а об источнике и построении большого общества, а также об источнике всякого суверенитета.

Для объединяющейся или скорее политически **сверху принужденной к этому Европы** этот принцип имеет выдающееся значение, если следовать ему, а не только провозглашать в праздничных речах. В том числе для многохваленного немецкого федерализма, который заслуживает лучшего инструмента, чем палата партийно-политических блоков по имени Бундесрат.

Принцип четырехступенчатого разделения (как и социально-этическое измерение)

Четырехступенчатое разделение как архитектурный принцип далее развиваемой демократии подробно представлялось в предшествующем изложении. Теперь оно как четвертый социально-этический принцип встраивается в круг других социальных принципов. Через основную или внешнюю архитектуру он дает социально-этическое измерение повседневного сочетания и весомости бесчисленных вопросов общественной жизни. Идет ли речь о вопросах религии (распятии или головных платках в школе), вопросах культуры (гостеприимстве культур в отношении иностранных сограждан и заботе о нашем языке как важнейшем культурном достоянии), в более узком смысле о политических или экономических вопросах. Его можно назвать принципом «интеграции через дифференциацию». В соответствии с ним проблемы могут интегрально решаться только через отмеченные уровни дифференциации (и их дальнейшее соответствующее подразделение, которое, как выводимое в основной книге о демократии, мало здесь развито).

В общественном формировании социальных принципов вполне можно узнать «прогресс в осознании свободы» (Гегель). Принцип

четырёхступенчатого разделения приводит сегодня к прорыву – к **конструктивной парадигме**: уже не «свобода от» старых цепей является задачей современности, а на очереди духовно-исторически стоит конструктивная «свобода к» новым высшим социальным формам. До сих пор демократия базировалась на парадигме освобождения гражданина от старых феодальных отношений. Эта парадигма больше не удовлетворяет все более очевидно требуемой сегодня новой форме. Читатель сам может оценить, как много оспаривается этой конструктивной парадигмой в сегодняшней высоко-разумной социальной теории и теоретической социологии. Большая часть социально-научного «дискурса» (если здесь однажды выбрать это злоупотребляемое и глубоко надоевшее модное слово) относится к **старой негативной парадигме** освобождения от догматизмов и авторитарных отношений. В том числе включая и окрылявшую движение 68-х годов «критическую теорию». Никогда со времен Гегеля и Маркса философия не была так обусловлена повседневностью. К сожалению, абсолютно отсутствует то, что вело бы к «длительным» изменениям и о чем идет речь сегодня, – субстанция конструктивного.

«Свободным от чего? Что это стрижет Заратустра? Светло, однако, твой взгляд должен объяснить мне: свободным к чему?» (Ф. Ницше, *Заратустра, О дороге творящего*).

Конструктивно-критическое мышление сегодня означает: дать ответ на вопрос, как может и как должно это далее продолжаться? Конструктивная критика, как наиболее кусающая и действительно изменяющая, ещё опасна и, более того, запрещена. Но придет время, когда «борющиеся руками» после рассмотрения примут её.

Глава IX

Синтезы для будущего: демократия завтра

Специфическое для демократии (новое определение демократии)

Рассмотренная здесь демократия идеального типа есть, таким образом, солидарное социальное (1) правовое государство (2), в котором объединившиеся как народ индивидуумы для реализации общих ценностей (общего блага) субсидиарно делегируют (3) свою власть (суверенитет) и создают (4) циркуляционную систему компетенций.

Если социальное государство (1) и правовое государство (2) были возможны также и без демократии, то

- **субсидиарное делегирование власти (3)**
- а также **циркуляционная система компетенций (4)**

образуют специфическое для демократии.

При этом последний элемент дефиниции является исторически новым и неудобным. Однако он обязательно должен принадлежать демократии будущего. Поскольку только через ступенчатую систему компетенций мыслима реализация общих ценностей как демократически совместно определенных.

Представительная и прямая демократия

Многое говорит за усиление прямых демократических элементов, однако не за счет представительных элементов. Скорее речь идет о внутреннем синтезе обеих разновидностей делегирования власти.

- Прямая демократия базируется на **принципе большинства**, который связан только с прямым совещанием всех на небольших общих собраниях.
- Представительная демократия, где она действительно функционирует, привносит квалификационные элементы. Она базируется на **вере (доверии)** избирающих в особую **квалификацию** и в замещающее **обсуждение** ими избранных представителей. При этом нужно ясно представлять, что по

рассмотренным причинам функционирующего представительства в государственно-парламентской сфере сегодня мы не находим.

Если бы эти элементы были полностью оценены и учитывались на практике, то многочисленные, часто не высказываемые возражения против демократии как голого господства большинства оказались бы несостоятельными. Демократическое правило большинства было бы фактически «бессмыслицей» (Фридрих Шиллер), если бы речь шла о чистом количестве, а не о компетентном выборе и обсуждении уже квалифицированным большинством!

Только лишь количественное понимание демократии ведет к цинизму, в том числе из-за пугающей зависимости от того, что должно называться «большинством» и, таким образом, от случайностей законов о выборах. Если прийти только к количественному большинству, то демократия стала бы маловероятна и сначала морально, а вскоре и политически окончательно бы погибла.

Полномочие на основе личного доверия и ожидание деловых способностей в компетенции уполномоченного образуют огромное отличие **императивного мандата** в системе советов, которая снизу вверх должна функционировать субсидиарно и базисно-демократично и не может функционировать без доверительной передачи полноты власти. Демократия как государственная форма коммуникации, к которой как существенные составные части относятся доверие и совет, в первую очередь зависит от качества ее «коммуникативной власти» - парламентской власти. Но при этом понимается, что кроме формально уполномоченной коммуникационной функции парламентов большое значение имеют **неформальные совещательные процессы** повсюду в обществе. В четырехступенчато разделенной системе парламенты также являются «только» формализацией и концентрацией всех общественных коммуникаций, процессов образования мнений во всех жизненных областях, даже у перегруженного многим стола завсегдаев, который совсем не был бы так глух, если бы подход политических игроков был более интеллигентным и прозрачным!

Но прямая демократия в больших сообществах, а, строго говоря, повсюду, где все решается собранием всех заинтересованные лиц, **может быть хорошей только настолько, насколько хороша ее представительная рука**, поскольку ее собственное функционирование (право предложений, формулирование альтернативных вопросов или манипулирование) зависит от этой руки. Это то, что в иллюстративной

книге при изложении прямой демократии чаще всего скрывают. Что, конечно, не говорит против всенародного референдума, если действительно выкристаллизовываются яркие ДА или НЕТ и, возможно, еще третья позиция по одному всех волнующему вопросу. Но о принципиальном недоверии к народному референдуму политического класса, который, неосознанно выступая против вездесущего недоверия ему, хочет еще на какое-то время себя утвердить, здесь нет ни слова!

Синтез обоих видов демократии, соединяющий преимущества, а не недостатки обоих, возможен путем предметного дифференцирования политических областей и преобразования универсальных партий в проблемно-ориентированные предметные партии, соответствующие смыслу четырехступенчатого разделения. Решающий шаг к **представительной демократии, одновременно являющейся и прямой**, состоит в том, что предметные партии и их отдельные кандидаты избираются предметно-специфически по их позиции в соответствующих специальных проблемах. Предметно-специфические голосования, связанные с личным мандатом доверия, являются сутью прямой демократии (если она уже не существует в деревенских собраниях). В разработанном здесь предложении преодолено кажущееся противоречие.

Впрочем, это скачкообразное улучшение представительной системы ни в коей мере не исключает отдельные прямые выборы бургомистров, премьер-министров, федерального президента и даже главы правительства, а также дополнительные специальные голосования по хорошо подготовленным несложным вопросам, требующим решения.

Что мы должны серьезно принять во внимание как техническое облегчение нового синтеза прямой и представительной демократии – это развитие «**электронной демократии**» в форме частых голосований с помощью электронных документов для выборов.

Впрочем, облегченная электронной техникой обратная связь претендентов на парламентский мандат по предметным областям является нечто совершенно другим, чем современная **демоскопия демократии**, с помощью которой сегодняшние универсальные партии внешне уменьшают свое господство, а фактически хотят узаконить.

Стратегии и разграничения: просвещение как революционная практика

Важное стратегическое различие

Когда спрашивают о сходных эволюционных устремлениях, то прежде всего должно рассматриваться различие конечных и промежуточных целей, которые во многих политических дебатах смешивают.

Здесь очень важными могут быть некоторые «половинчатости», если они сознательно понимаются как таковые, то есть как промежуточные шаги. Но для этого действительную цель нужно сделать понятной, чтобы как раз умные люди не махнули на нее рукой, и что-то объяснить как половинчатость.

Актуальный пример. Пропагандируется «Третья палата» неправительственных организаций (в том числе «Мирный форум Касселя» и «Политический совет за мир»: www.unikassel.de/fb10/frieden). Все общественные силы, которые не видят себя действительно представленными в обычном парламенте, здесь могут сообща бороться и сделать весомым общий голос. Конечно, очень хорошая идея, если это задумано как энергичный шаг к целому, а именно к продуманному, здесь представленному четырехступенчато разделенному по предметным областям и уровням ценностей парламенту. Тогда и только тогда традиционные партии и их депутаты (якобы от народа) долго не смогут противостоять. Просто потому, что эволюционная логика очевидно стоит на стороне такого результата «Третьей палаты». Однако, если «Третья палата» неправительственных организаций рассматривает себя как институт на длительное время, то речь идет о мертворожденном ребенке. Какой смысл новому зданию с высокой претензией примыкать к двум гнилым старым? Как только названная «Третья палата» захочет стать более чем демонстративным событием, она попадет в мельницы правовых вопросов легитимации. Кто кого представляет, с каким правом, в какой пропорции? Чем вообще являются неправительственные организации (NGO)? Относятся к этому производственные предприятия или церкви? Вопросы за вопросами, которые ведут к предвидимому результату. Так ничего не изменится. Для эффективного изменения необходимо сформулировать продуманную конечную цель.

Ни разу у «зеленых» - единственном примере большого «прогрессивного» изменения парламентской сцены в послевоенное время, на котором покоятся некоторые надежды, систематически не делалось различие промежуточных целей и конечных целей. Это, наряду с недостаточной заботой о ясном мышлении для обоснованного эмоционального выступления, является основной причиной разбавления их первоначальных требований. Возможно, скрывание и затуманивание целей временно было также стратегией успеха, к которой присоединился объявленный в 68-е годы «долгий марш через институты». Однако очень изнуряющей и малоуспешной, поскольку изначально это не было истинной стратегией.

Другими хорошими промежуточными шагами, если они намечены как таковые, являются: программа денежной реформы (www.geldreform.de) или критикующая глобализацию NGO „Attac“, а также находящийся в становлении понятный «Гражданский бюджет/Bürgerhaushalt». Излишне комментировать, почему сформулированные здесь различные цели по сравнению с общей демократической теоретической концепцией могут быть только частичными или промежуточными шагами.

Что касается „Attac“ (www.attac.org), то движение было хорошо обсуждено для того, чтобы далее специализироваться как будущая предметная партия на уровне экономики, конечно, с общим видением демократии. В противном случае, движение растрчивает свои силы в громкой «всеобщности» и отдалении от парламента. Налицо дилемма: замышляется занимающаяся непосредственно политикой парламентская «партия» или открытое критическое «движение», которое создается надолго, как партии и парламента старого стиля. Предметная партия будущего вида может работать стратегически специфически и одновременно иметь более или менее открытый, но также и определенный цельный конечный план. При этом различие специфики и конечного плана сходится с промежуточными/ конечными целями.

Может ли бонус этого различия иметь значение также для нашего нового «Национального совета по этике» и «Совета по устойчивому развитию» (www.nachhaltigkeitsrat.de)? Давно уже не попадались на глаза такие дальновидные и чистые «демократические» решения! По-моему, вид «республики советов» является новейшим эрзацем демократии, который бросает людям песок в глаза и обманывает чувство, что будто бы властвуют не плутократия (власть капитала) и не партии олигархов (феодалная власть). С «этикой» и «устойчивостью» лучше всего можно исполнять такие шахматные ходы.

В направлении представленных здесь соображений находилось также требование о «Верхней палате» в смысле «Совета мудрецов», как это видел мой харизматический предшественник на (единственной) кафедре социальной экологии в Берлине бывший диссидент ГДР Рудольф Баро. При всей чувствительности к общественным течениям и к становившимся важными темам, как, например, женский вопрос или даже соответствующее представительство детей как наших носителей будущего, Баро незадолго до своей смерти наполовину принял принцип «интеграции через дифференциацию» (в послесловии к моей книге *Sprung aus dem Teufelskreis/ Прыжок из порочного круга*, 1997, 2005 г.). Ему виделись непосредственные решительные действия духовно подчеркнутого «Совета мудрецов» и даже «Князей экологического поворота» во всех сферах общества. Этот вид новой теократии со здесь представленной относительной самостоятельностью и дифференциацией подсистем имеет лишь то общее, что конечные или основные ценности действительно осуществляются и остаются не ради преобладающих денежно-властных интересов. Даже в упомянутом послесловии Баро едва ли предохраняет себя от упрека в фундаментализме. Наоборот, там решительно сказано о дифференциации уровней и о переданном, непрямом осуществлении основных ценностей при относительной самостоятельности уровней экономики, политики, культуры слова. И этому нигде до сих пор не предложена альтернатива!

Однако в этих стратегических размышлениях речь идет не о дискуссии по поводу новой теории.

Могут быть названы многочисленные другие организации и сети. Те, которые, как «Больше демократии» или «Фонд сотрудничества», выступают за прямую демократию, рассматривались в предыдущей дискуссии об обязательном синтезе прямой и представительной демократии.

«Социальная альтернатива» и основной вопрос капитализма

Прежде всего, можно было бы «Социальную альтернативу/Soziale Wahlalternative» рассматривать как союз партнерских сил, показывающих, что современные «реформы» являются ретроградным демонтажем социального государства. Но показывают ли они также, что сохранение имущественного положения - в лучшем случае промежуточный шаг, что речь идет о том, чтобы осуществить

принципиальное и глобальное преобразование отношения между работой и капиталом? Покончат ли они с фикцией «работающего» и поэтому заработанного им капитала, называемой доходом зарабатывающего капитала? Здесь вывеска «предприниматель», там - зависящий от заработной платы, всегда была фальшивой, ещё до времени Маркса. И Маркс четко сказал, что производительный предприниматель стоит на стороне зависящих от зарплаты против денежного капиталиста (*Капитал*, том 3).

Кто сегодня ещё работает с этой фальшивой противоположностью и устает от торговли за чуть больший или меньший размер заработной платы или рабочее время, тот, в сущности, ничего не понимает во всемирной противоположности между живущими на нетрудовые доходы владельцами капиталов и слугами капитала, плательщиками налогов от всех цен. Он хочет **обуздать капитализм не обузданием принципа, а выиграть только в прагматике**. Предложений для этого во всем мире представлено достаточно. И трагично, что именно в Германии противостояние между догматичными марксистами и не менее догматичными денежными реформаторами (например, общественной школы) кажется почти непреодолимым. В любом случае, у этого противостояния нет рациональных оснований.

Представители «Выбора социальной альтернативы», как их еще можно было назвать в год выборов 2006, должны были решить, хотят они некоторую половину или нечто целое. То и другое можно было согласовать только при условии, что они осознают различие промежуточных и конечных целей, то есть, если они хотят чего-то целого! Без этого их усилия обречены на неудачу, поскольку большая коалиция «реформаторов» имеет на своей стороне логику существующей системы. Либо приносятся новые жертвы для всего мира, либо, исходя из социально-этического принципа, в основу ставится вопрос: заслуживает ли капитал вознаграждения за то, что он «работает» и, следовательно, является ли обладание деньгами основанием для нетрудового дохода? Согласен ли вообще капитализм с принципом оплаты по количеству и качеству труда (о принципе солидарности ещё умолчим) и свободным рынком? Отождествление капитализма и свободной рыночной экономики является исторической ложью! Деньги с внутренним механизмом самоувеличения (= капитал) точно так же, как и возможность спекуляции землей, наоборот портят любой свободный рынок.

Здесь проявляется только, что действительная демократическая реформа неразрывно связана с вопросом капитализма. До сих пор была только капиталистическая демократия. Доминирование экономического уровня принято не только в покупках. Это сущностно принадлежит системе. Подлинная демократическая реформа подрывает принцип капитализма - нетрудовое самоувеличение денег (от дохода и соответствующей доли процентов, причем доход как плату с капитала следует отличать от прибыли предпринимателя). Реформа должна навсегда зарезать священных коров капитализма. Но есть различие между конечными и промежуточными целями.

Будет ли «Социальная альтернатива» рассматривать эти взаимосвязи и станет ли в этом смысле революционной или останется какая-то половина или половинчатость, которая продлит борьбу за существование позднего глобализированного капитализма за счет подавляющего большинства человечества?

Эволюция или революция?

Из-за различия конечных и промежуточных целей образовалась пропасть между «эволюционистами» и «революционерами»: идти дальше (только) маленькими шагами или нужны большие скачки и изломы? Но здесь понимается, что скачкообразная революция сама является важнейшим модусом эволюции. Эволюция в природе и истории происходит скачками. Поэтому недиалектическое, исключаящее противопоставление одного другому неверно. Существенно то, что должен последовать качественный скачок, мягко - с поддержкой существующих сил или менее мягко.

Только насилие должно быть исключено. Поскольку как раз «вера» в дух и его эволюционную логику характеризует новую ступень и скачок. Даже если с этой верой в дух связываются элементарное, идущее от живота чувство справедливости и ещё элементарная жизненная нужда.

У нас в Германии есть традиция мирных революций, о чем охотно забыли. Когда Ленин заметил, что немцы для революции приобретут перронный билет, он посмеялся над этой миролюбивостью. Если мы исключим крестьянские восстания до времен Лютера, то в дальнейшем в действительности этого нет в коллективном сознании: в гражданской революции 1848 г., как и пролетарской 1918 - 1919 г.г. То, что обе проходили не мирно, в первую очередь вызывалось **брутальным применением силы оружия** со стороны властей! Разве исторически

несправедливо говорить здесь о предательском неуважении воли народа? Только «немецкая революция» 1989 г. прошла мирно, поскольку власть поняла безнадежность дальнейшего насильственного подавления. Насколько она полностью заслужила имя демократической революции, вопрос здесь можно только поставить. Между тем, люди в восточной Германии с горечью узнают, что то, что здесь есть, не так далеко от ожидаемой демократии. Чувство снова быть по отношению к доминирующему западному политическому классу в роли объекта могло быть много более горьким, чем вычеты на ожидаемое капиталистическое благосостояние.

Потенциал политического и социально-экономического недовольства в национальном и мировом масштабе огромен. В сущности, мы имеем глобально предреволюционные отношения, даже если мы исключим актуальных империалистических сторонников войны США и некоторых их союзников и ограничимся структурными причинами. Их изменение будет единственно «устойчивой» победой над терроризмом!

Сегодня этот, не связанный со старыми классовыми противоречиями потенциал **образует большинство направленно недовольных** - национальный и глобальный потенциально «революционный субъект». В выступающем на передний план экономическом недовольстве скрыто глубокое чувство, в принципе не могущее ничего сказать о том, что называется «демократией». Существует ли перспектива, что разработанную здесь конструктивную парадигму эволюции демократии это большинство превратит из теории в практику (которая вследствие адекватного учета мировоззренческого и религиозного уровня стала бы привлекательной даже для исламских государств)?

Еще раз, просвещение - это «бесшумное заражение» (Гегель) с конструктивной теорией получает новое качество. Если оно когда-то и всегда в новых волнах было открывающим и разоблачающим, то сегодня оно может и должно быть **конструктивным просвещением**. Оно является не только открывающим, но и указывающим: «другая демократия возможна». Решающим является понимание этого и также второго: распространение такого просвещения само является социальной практикой высшего класса.

Семь шагов стратегии

Меня часто спрашивают о шагах осуществления. Но их принципиально невозможно предугадать. История в своем движении вперед не может

заглянуть в свои карты, даже если узнан ближайший большой эволюционный шаг. Пожалуй, можно тематизировать стратегические шаги действий. Для этого можно семь стратегических шагов так называемой стратегии концентрирования на узких местах (EKS) Вольфганга Мевеса перенести из области экономики в область социальных целей развития. Речь идет о следующих, связанных с EKS, семи шагах обобщенного разъяснения современной ситуации, но без систематики в строгом смысле.

1. Анализ особых свойств и сил «старой машины» демократии

Осознание проблемы и воля к изменению в значительной мере имеются у населения. Как мы с этим обращаемся? Покорно бросим демократическую идею с ее праздничными речами в кучу хлама истории? Оставим ее как несерьезно принятый идеал дальше парить над горькой действительностью, которая между тем развивается в обратную сторону? Или сможем с общим напористым потенциалом сознания молчащего большинства начать нечто конструктивное, поразительное, ведущее в будущее?

2. Поиск наиболее обещающего успех применения: идейная связь реформы денег и реформы демократии

Чего в кризисе (между тем сравнимом) времени Веймарской республики недоставало, так это знания взаимосвязи реформы денег и реформы демократии и взгляда на конструктивный выход на политическом уровне. Мы пережили тогда роковой для Германии и всего мира возврат к авторитарным структурам. Сегодня же есть теоретически обоснованное движение за реформу демократии, которое при серьезном анализе можно связать с реформой денег и экономики (с Карлом Марксом и Сильвио Гезеллем).

Даже если, как неумолимо заверяет нас большая часть партийных политиков, в нашей лучшей демократии всех времен принципиально все было в порядке и капитализм был укрощен именно тем, что мы сократили свои социально-государственные притязания и «затянули ту же ремень», связь старых денежно-реформистских мыслей с изложенными здесь мыслями о фундаментальной конструктивной реформе демократии оказалась бы «непобедимой».

Эта идейная связь реформы денег и реформы демократии одновременно усилила бы обеих вследствие синергетического эффекта. Одна реформа денег представляет только принципиальные голые желаемые мысли, так как не продумываются политические условия их осуществления, включая и платформу, на которой могли бы обсуждаться еще спорные представления о реформе денег. И даже по-деловому хорошая реформа денег, но которая как «лучшее» продолжила бы доминирование экономики, еще раз была бы упущена. К сожалению, одному реформатору денег мало что ясно в этом.

«Политику в этой стране можно определить как осуществление экономических целей с помощью издания законов» (Курт Тухольский, 1919 г.), даже если не знать о скандалах партийных взяток! Когда же её смогут определять как эффективное проведение плюралистического консенсуса основных ценностей в культуре, политике и экономике?

Такое общество было бы «устойчивым» в смысле циркуляции ценностей по всем его уровням. Более широкое понимание «устойчивости», как обычно, ограничено устойчивостью экологии. **Какой экономический порядок приносит такую большую социальную «устойчивость»?** Этот вопрос мог бы стать ведущим вопросом в общей связи идей денежной реформы и реформы демократии! Какой развитый экономический порядок в рамках коммуникативного общества поддержит целое человечество?

К экономике устойчивого общества можно было бы отнести, например, основное право на работу, так же, как и признание культурной креативности, домашнего труда (все еще преимущественно женского), как и человеческой заботы друг о друге.

Как только через новую идейную связь становится видимым конструктивный выход, политическое недовольство превращается в желание реформ.

3. Поиск наиболее обещающей успех целевой группы

К сожалению, мы не можем сегодня опереться на большую «свободную» прессу. Она была бы естественной инстанцией просвещения для населения. Но она сама преимущественно в руках политически и экономически доминирующего класса. В результате мы должны искать альтернативы.

В этом поиске мы наталкиваемся на:

- Во-первых, многие возникшие в последние годы и продолжающие возникать **обменные сети и региональные валюты**. Даже если они и не могут достичь общей общественной пробивной силы, то, по меньшей мере, осуществляют функцию формирования сознания, прежде всего молодежи.
- Во-вторых, бесчисленные общественные **реформистские группы**, которые уже осознали или легко могут осознать взаимосвязь их специфических просьб с денежным вопросом и также проблематикой демократии. Например, все экологические группы и альтернативные группы здоровья. «Революция здоровья» (Эллис Хубер/ Курт Лангбайн, 2003) вполне может стать пунктом кристаллизации общедемократической революции.
- В-третьих, сотни **экологических деревенских сообществ** нового стиля, объединенных в политическую сеть. (Список европейских сообществ и экологических поселений на сайте www.eurotopia.de).
- В-четвертых, и, прежде всего, «объединенных» **долговременно безработных и получающих социальную помощь**, более или менее обнищавших (в том числе многих пожилых пенсионеров) и миллионы людей, прижатых нашим капитализмом к стенке. Именно они являются теми, кто объединился в «Выборе социальной альтернативы». Но как уже было сказано, все зависит от того, чтобы эта большая группа населения и ее организаторы опять не заключили устаревшие, малодушные компромиссы с существующим.

4. Поиск самой горячей «рыночной ниши»: преодолеть разобщение объединением в сеть

Все эти целевые группы имеют общую основную проблему - разобщенность. Эти реформистские группы (защитники окружающей среды и животных, эко-крестьяне, вегетарианцы - или люди, считающие необходимым значительно уменьшить потребление мяса, сторонники природной диеты, группы здоровья, пострадавшие от фармацевтики, сторонники солнечной и другой альтернативной энергии, религиозные общины и церковные инициативы по ликвидации задолженностей третьего мира, теософы, антропософы и другие духовные группы, группы мира и прав человека, объединения за сохранение национальных языков и т.д.), а также ссылающиеся на Маркса левые, поскольку они

также хотят мирной революции, ни в коем случае не хотят отказаться от своей специфичности. Мотивированные «духовно», «научно» или даже политически, они должны взаимно признать их сущностное соглашение по реформе денег и реформе демократии, поскольку они хотят общеполитической действенности, а не только обозрения вершины. Эта нужная им идейная связь не будет употребляться как что-то внешне чуждое, как будто бы их соответствующие желания неважны. Они сами могут понять, что в этом удвоенном фокусе ясно выражено **необходимое условие** для осуществления их особенных желаний.

Вопрос денег и демократии имеет предметный приоритет в том отношении, что с ним идет речь об **условиях уменьшенной властью коммуникации** по всем другим предметным темам. Основная сегодня проблема демократии - прежде всего установить и стабилизировать опыт честной коммуникации по стоящим общественным проблемам.

Необходимо создать сеть из малых органов прессы названных групп и Интернет. При этом сетевое объединение является не чисто технической, а духовной задачей. Новая парадигма является не только конструктивной, но и цельной или **интегральной**. Вы когда-нибудь слышали о социальной теории, которая все уровни социального от экономического, политического, культурного и до внутренних духовных предпосылок тематизирует во взаимосвязи, и именно в практической взаимосвязи?

5. Преимущество через инновацию: использовать и выстраивать сообщество лидеров мнений

Поскольку идейная связь реформы денег и реформы демократии, конечно, представляет необходимое условие для всех других родственных реформистских устремлений и поскольку в этом двойном виде она является политической, то, как только названные и другие реформистские группы начнут с политическим намерением объединяться в сеть, она может достичь и достигнет сообщества лидеров мнений. Такое сообщество лидеров мнений вызовет положительный вихрь, сравнимый с ведущим положением рынка в экономике. В этой фазе эффективной «спиралью успеха» станет узко сконцентрированная стратегия. Настроение прорыва, которое в начале 80-х годов несло движение «зеленых», теперь также поможет сетевому движению за реформу денег и реформу демократии, но с тем отличием, что оно яснее

продумано, стало более зрелым, ещё более многосторонним, более актуальным и безальтернативным.

6. Интегральная кооперация: «религиозный» дух синергии вместо конкуренции

Несмотря на многие имеющиеся профессиональные знания по проблемам защиты окружающей среды, движение «зеленых» осталось слишком односторонне эмоциональным. Не только не был оценен смысл структурного мышления, необходимого для денежной и демократической реформы. Также не было уделено достаточного внимания духовным силам, поскольку не было концепции корректной плюралистической трансформации конечных ценностей (для каждого) и основных ценностей (для коллектива) в политике и экономике через плюралистический парламент основных ценностей с разделенными правовыми рамочными компетенциями от рамочных условий для образования (культуры), политики и экономики.

Поскольку никто в отдельности, никакой случайный комитет и все в равной мере и во всех областях не имеют способностей точного восприятия, логического мышления, прецизионного чувства, тонкой интуиции (если говорить только о способностях познания) и поскольку также никакая группа не может в равной мере культивировать все интересы, способности, понимание и исполнять соответствующие действия, то синергетическую кооперацию, коммуникацию и волеобразование невозможно должным образом оценить. Тем не менее, необходимо фокусирование на общей цели, которая является **условием возможности достижения всех**.

Это означает, что необходимо перестать обесценивать таланты и интересы других людей и групп, объявлять их менее важными. Подобно тому, как в социальном целом экономика, политика, культура и религия поставлены в сознательное конструктивное отношение, так и для достижения кооперации и осуществления общей цели это должно происходить с полной палитрой сущностных человеческих сил.

Особенно резким негативным примером является полностью несправедливое старое соперничество денежных реформаторов последователей С. Гезеля о том, что они считали «марксизмом», соперничество, в котором марксистские группы отвечали сердцем, но, к сожалению, также не разумом. Такие исторические деструктивные неговорчивости должны, наконец, прекратиться!

7. От одной горячей проблемы к другой: институциональная реализация реформы денег и реформы демократии

Что начинается в сетевых группах и иначе не может, это распространение теории и практики на все общество и его институты. Этот процесс достигает **первой возможной высшей точки**, когда он находит вход в немецкий Бундестаг. И он мог бы активно взять в свои руки структурную революцию. Ведь она (при всей критике политического класса) направлена против принципиального структурного дефицита, а не против отдельных депутатов. Так же, как структурный дефицит, могут быть преодолены и персональные барьеры. Нельзя предопределить, с какого постулата интегральной реформы денег и реформы демократии может начаться соответствующее общеполитическое преобразование. Возможно, оно начнется с самых горячих сегодня специальных проблем: безработицы, заботы о здоровье и старости и др. Но всегда будет очевидно, что основополагающая экономическая реформа невозможна без реформы демократических структур, и еще больше наоборот - принципиальное демократическое развитие невозможно без устранения капиталистических привилегий в денежной системе (привилегия самоувеличения «работающих» денег) и в праве на землю.

Слова классиков

Попытка разделить стратегию реформы на фазы или шаги, как уже упоминалось, не должна быть переоценена в притязании на «системность». Речь идет о побуждении мыслей многих, справедливо спрашивающих, как можно перейти от теории к практике. Самый удачный ответ на это дают мудрые слова французского поэта Антуана де Сент-Экзюпери:

«Если хочешь построить корабль, не барабань сбор мужчин, чтобы приобрести древесину, раздать задания и распределить работу, а научи их страстному желанию далекого бесконечного моря».

Распределение отдельных ситуативно-обусловленных работ не может предприниматься заранее и не нуждается в этом. Оно появится у добровольно мотивированных, когда придет время. Но в понимании структурной возможности живет страстное желание настоящей демократии. Иначе умрет это глубинное стремление каждого к обществу

свободных и равных, не ограбленных, не порабощенных и не угнетенных людей, обогащающих друг друга своими дарованиями. Это счастье гарантирует, и не только на государственном уровне, удавшаяся демократия. Поэтому первейшим и наиважнейшим шагом о возможностях ее осуществления остается просвещение. **Изменяющая структуру социальная практика начинается с теории и ее распространения.**

Значение этого определяющего момента недооценивают, а убаюкивающие, только кажущиеся практическими призывы легко забывают. Тем лучше он обобщается словами трех наших классиков:

«Если мир представлен революционизирован, то действительность не выдерживает» (Г.В.Ф. Гегель)

«Но придет ли однажды, как появляется луч из-за облака, дело из мысли духовно и зрело? Скоро ли оживут книги?» (Ф. Гёльдерлин)

«Теория становится материальной силой, как только она овладевает массами» (К. Маркс).

Здесь социальная практика читателя сама указывает: он и ты, уважаемый читатель, являетесь незаменимыми, незамещаемыми посредниками конструктивного просвещения о демократии. С тебя начинается важнейший практический шаг «бесшумного заражения» новым конструктивным просвещением. Оно может распространяться только как благотворный вирус. И, конечно, этот вирус вскоре станет очень практически заметным благодаря тому, что многие части «зараженного» населения откажутся в будущем от псевдодемократических выборов. Прямо по Брехту: **представьте себе, это опять старое многопартийное шоу и никто не желает идти на него!**

Совершенно серьезный общий стимул состоит также в том, чтобы вирусу просвещения не могли больше долго противостоять владельцы приходов. Партия избранных, когда она в своем большинстве имеет теоретическую концепцию, становится сильной. Отказ создает предпосылку для улучшения, а также предпосылку для возможных ощутимых форм гражданского непослушания. Почему и с какой целью в данном случае «большой отказ» (Г. Маркузе) принимает конкретные формы, люди узнают только на основе конструктивного просвещения.

**Перспективы:
европейская и глобальная архитектура демократии**

Показанное четырехступенчатое разделение политической системы с соответствующими существенными изменениями имеет также огромное значение на европейском и глобальном уровне.

Многомерная Европа различных «скоростей»

Что касается Европы, то каждая экономическая, политическая, культурная и мировоззренческая «единица» Европы должна иметь свой отличительный характер.

Но каждой, обусловленной экономикой и обсуждаемой только очень тонким политическим классом мономерной единице, противостоит единое **многомерное образование - Европа различных скоростей и структурных принципов.**

Что значит европейская конституция для одной «другой» единицы, здесь отдельно проследиваться не может. Но здесь, как и во всей этой книге (также, как в её подробном изложении), имеют значение не патентные рецепты для отдельных вопросов, а структурная формула, которая создает методические условия для того, чтобы отдельные вопросы можно было адекватно обсуждать.

Структурная формула для Европы звучит так: дифференциация экономических, политических, культурных и религиозно-мировоззренческих уровней как условие интеграции. Это, конечно, оживило бы игры с количествами членов для европейского «парламента», совета министров и комиссий и вывело бы из некоторого ожесточения. Единой Европы нет, а есть Европа со многими мерностями, каждая из которых имеет свои собственные конституции и законы.

Сегодняшний проект конституции содержит не только красивые ошибки, а выражает **объединенную политическую самоуверенность партийных клик!** Единственно легитимной единой конституцией для Европы была бы формулировка отношения мерностей друг к другу. Так это выглядит с точки зрения «революционного» четырехступенчатого разделения. Если поспешная халтура нынешнего проекта будет принята, это будет значить не больше, чем знаменитый «пакт стабилизации» евро.

Не просто так у суверена, а это все еще действующее национальное население, спрашивают как можно меньше, прежде всего в Германии. Однако когда-нибудь народ потребует свои неотъемлемые права. Угрожают страшным призраком войн, которые теперь при объединении, якобы, можно будет окончательно преодолеть. Но действительно ли европейские народы как таковые вели друг против друга эти братские войны - или они не были соблазненными, обманутыми и принужденными к этому их властями?

Более всего бросается в глаза то, что культурное богатство Европы лежит именно в многообразии национальных культур и языков. Затрагивать их означает преступление не только перед соответствующей нацией, но и перед самим европейским духом. Но это многообразие затрагивается ежедневно. Например, молча, против официальных уставов, переходят к английскому как к общему европейскому языку. Пожалуй, небольшие шансы имеет ещё французский. Немцы же, как наибольшее европейское языковое сообщество, в последнее время борются (опоздав и малодушно) за то, чтобы их язык был третьим на европейском уровне. Но эта борьба, по моему мнению, фальшива, так как она только усиливает несправедливость по отношению к меньшим европейским языковым нациям. Что нам нужно, так это нейтральный простой **европейский язык общения**. Конечно, он должен быть идентичен будущему **мировому вспомогательному языку**. И это не может быть английский или BSE-английский (упрощенный язык), поскольку каждый, кто уже что-то знает, захочет из BSE-английского перейти к правильному английскому языку. Но он не является ни культурно нейтральным, ни простым языком. Это свидетельствует о хронической непредставленности в политических дискуссиях темы культуры, которая до сих пор ни на европейском, ни на мировом уровне так и не обсуждается.

Может быть, эти правильные и прекрасные размышления уже опоздали? Но этот аргумент фальшивого социального приспособления не будет иметь значения для наших потомков.

Что может остановить объединительную глобализацию?

Нигде настоятельней не проявляется необходимость институционально различать социальные уровни действий и ценностей, чем на мировом уровне. Все говорит о глобализации, как будто она является естественным явлением. И, конечно, она системно необходима

капитализму, как с непревзойденным блеском и актуальностью это предсказывалось в *Коммунистическом манифесте*.

Но речь идет о том, как «укротить» экономический капитализм, даже если этот хищник должен при этом потерять свою хищническую природу. Особенно на мировом уровне соответственный более высокий уровень образует мета-уровень или масштаб того, что может происходить на соответствующем другом уровне.

- **Политика как мета-экономика:** Нам нужно международное право, которое берет в управу террор так называемых естественных рыночных сил, при этом ещё и сфальсифицированных капиталистическими привилегиями (увеличение массы денег, резервирование земли), то есть установить справедливую рыночную экономику. Устранить террор капитализма означает также победить терроризм.
- **Культура как мета-политика:** Культурному сотрудничеству и воле народов нужно обуздание политики власти, например, в отношении права народов на самоопределение. Здесь также любят официально говорить о терроре, но, к сожалению, полагают, что с ним можно бороться силой. Государственный террор не является темой. Даже министр иностранных дел «зеленых» аргументирует его, например, государственным интересом России, как будто самой огромной по площади стране мира недостаточно территории, если та или иная народность захотела бы получить частичную или полную автономию. «Вся государственная власть исходит от народа», господин министр! Эта надменность властвующих мешает интеллигентным, мирным решениям и в теплице лживости выращивает террористов.
- **Конечные ценности как мета-культура:** Взаимодействию больших и малых культур необходимо духовно-этическое измерение. Говорить о нациях и их праве на самоопределение опасно, если отсутствует отличие национального и культурного от религиозного. Немецкий национал-социализм является самым явным, хотя и ни в коем случае не единственным и последним примером губительного религиозного заряда национального самосознания. Во всем мире он все еще остается. Поэтому рационалисты среди «просвещенных» считают, что нации лучше всего совсем упразднить, как и разнообразие религиозных «языков». Всё же наихудшее злоупотребление регулярно может

осуществляться как раз с самым ценным. Здесь помогает только истинное просвещение.

- Историческим религиям в свою очередь нужны философские, **исходящие из прав человека правила контроля**. Не все, что выдается за «религиозное», может терпеть демократия. Этому должны кропотливо учить христианские конфессии. Даже они не полностью поняли, что означает мировоззренчески плюралистическое общество. То же самое требуется и для других религий, если речь идет, например, о побивании камнями, увечьях, угрозах жизни в действительных или предполагаемых преступлениях. Ещё раз проявляется парадокс правового государства: право не является наивысшим принципом межчеловеческой общности. Но оно образует необходимую основу, отрицательную норму для всего, что духовно и физически живет в правовых границах.

Понятность необходимой многомерности вырастающего осознанного единения человечества категорически противостоит сегодняшней одномерной экономически доминирующей глобализации. Для этого человечеству нужны транснациональные институты и парламенты, принимающие действенные решения, подобно тому, как они представлены здесь для национальных демократий.

Это не означает мировое государство в корпоративном смысле, а речь идет о всемирно действующих, гарантирующих свободу правовых структурах. Только когда вся правовая власть будет фактически и последовательно исходить от народа, ее можно будет назвать демократией.

Так я думал. В полной книге об этом сказано больше.